

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИЮНЬ 30 ЧЕТВЕРГ 1938 год № 36 (743) Цена 30 коп.

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской

Счастье служить советскому народу

Закончены выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик. Закончена величайшая демонстрация советского патриотизма. Миллионы бюллетеней подсчитаны. Итоги выборов просты и величественны. За кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных голосовало по РСФСР 59.542.993 человека из 59.936.715 избирателей, участвовавших в голосовании — 99,3 процента. За кандидатов сталинского блока на Советской Украине голосовало 17.387.683 человека — 99,55 процента общего числа голосовавших граждан. По Белоруссии за партию Ленина—Сталина, за кандидатов сталинского блока голосовало 3.005.609 из 3.030.148 избирателей — 99,19 процента. Несколько дней назад были опубликованы результаты выборов по другим союзным и автономным республикам. Результаты схожи.

Свободное слово свободного народа сказано. Оно звучит над миром мощно, как гром, страстно, как ураган, радостно, как песня. Народы одной шестой части земного шара голосовали за партию Ленина — Сталина, за окончательную победу коммунизма. Трудно переопределить международное значение этого величайшего из исторических фактов. Вокруг сталинского Центрального Комитета партии и Советского правительства сплотилась вся страна.

Непобедимая сила — такое морально-политическое единство народа. Вот в чем могущество нашей родины, величие ее и слава!

В дни выборов каждый невольно думал: если наш народ поднимается, как на праздник, для исполнения своего гражданского долга, с каким же энтузиазмом равняется он в бой, когда нужно будет груду отстаивать родину.

Велика, необятна Страна Советов. Солнечному лучу, для того чтобы пройти ее, нужны долгие часы, и когда 26 июня еще спали Москва, Белоруссия, Украина, за партию Ленина — Сталина уже голосовал советский Дальний Восток, шли в избирательный урн шахтеры Суцана, шли летчики, снайперы и танкисты ОБДВА, шли владивостокские докеры, таежные охотники, старые партизаны.

Вместе с волнами густого солнечного света шло, с востока на запад заливавшего нашу страну, поднимался и шел в избирательных урнах великий советский народ.

Шли обладатели величайшей в мире свободы, и каждый из них твердо знал, что страна сегодня не может обойтись без него. Что может быть сильнее и прекраснее этих двух великих слитых гигантов — великого народа и великой идеи коммунизма! «Прекрасное должно быть величаво», — сказал поэт. Каким величественным было это победное шествие вооруженного идеями народа.

Рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, — наша интеллигенция, ставшая плоть от плоти и кость от кости рабочего класса, — люди самых различных профессий и возрастов в эти дни отдали свой голос могущественному блоку коммунистов и беспартийных.

В избирательных урнах собрана величайшая любовь советского народа к партии, к вождю народов товарищу Сталину.

Во всех республиках Союза, во всех уголках страны люди шли голосовать с именем своего первого кандидата в депутаты на устах, с именем товарища Сталина. Товарищ Сталин и его ближайшие соратники избраны в депутаты Верховных Советов всех республик Союза.

Сколько замечательных людей, достойных избранников народа, выдвинула в эти дни страна. Рабочие и писатели, колхозники и ученые, летчики и танкисты — избранные в правительства союзных республик по великому праву граждан СССР и по воле народа.

Народ растет. Из гущи его поднимаются все новые и новые человеческие таланты. Каждый день мы узнаем имена людей, о которых еще вчера никто не слышал ни слова и которых сегодня с гордостью и уважением приветствует страна. Так было со Стахановым и стахановцами, с Папангиным и папангинцами, с Чкаловым, Грозовым, Коккинаки и тысячами других. Говоря словами Маркса, пусть сравнивают с нашими людьми, «...штурмующими небо, холопов германско-прусской священной римской империи».

Величайшей гордостью за себя, за свою родину, за свой народ наполнены сейчас сердца всех трудящихся СССР.

Гордись мы тобой, Владимир Коккинаки, и нашей родиной — страной богатейшей!

Народ-гигант, народ-мыслитель, народ-творец. Народ — единый в гусе и радости, потому что весь он устремлен вперед силой одной и той же могучей идеи.

Величественна была вчера мощная демонстрация советского патриотизма. Радостью и ликованием встретила советская страна историческую победу сталинского блока коммунистов и беспартийных на выборах в Верховные Советы республик.

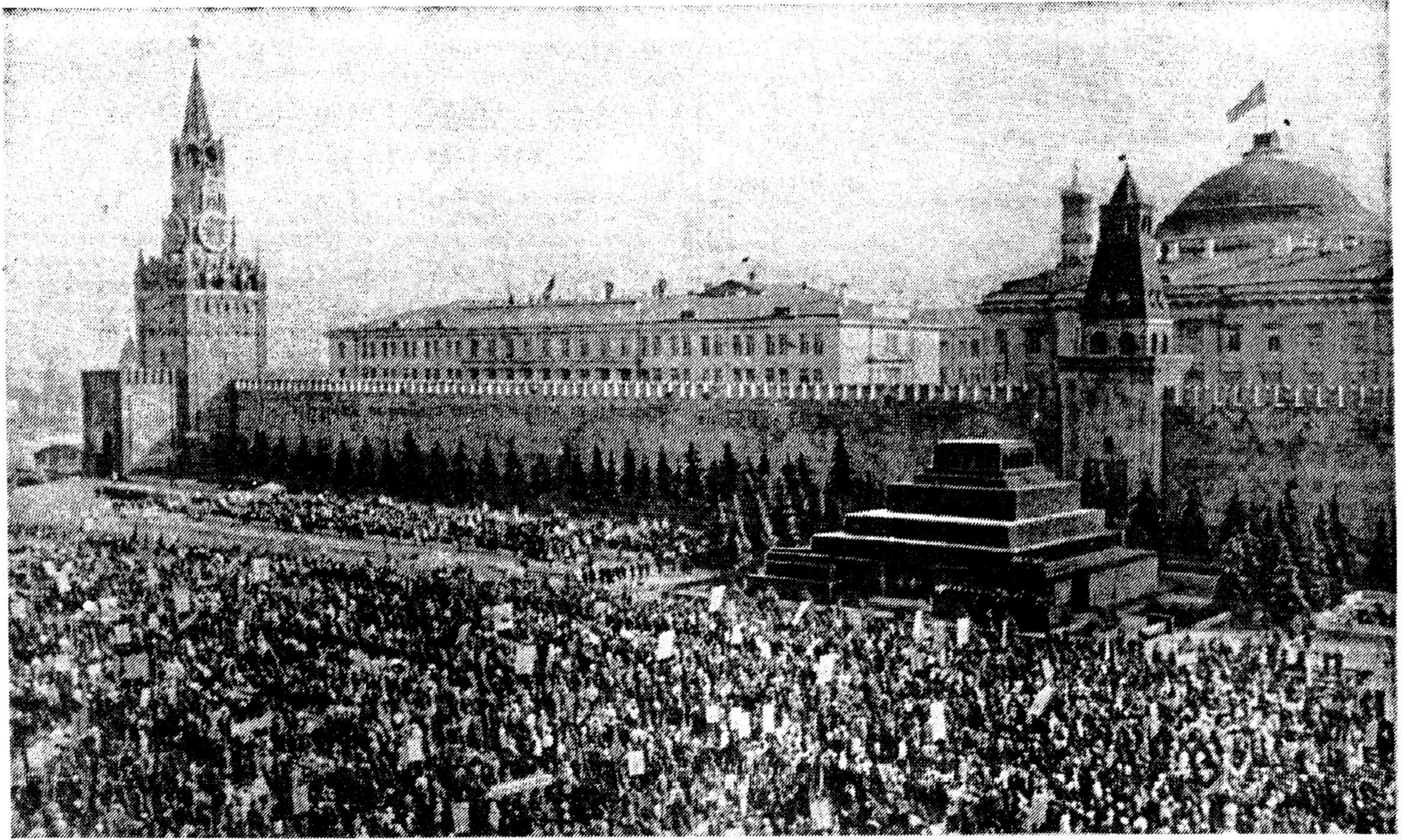
Страна, породившая Ленина и Сталина, страна, каждый верный сын которой становится героем по первому зову партии и вождя! Родина всех «штурмующих небо»! Родина, вырастившая сотни и тысячи писателей, ученых, художников!

Дни всеобщего торжества твоего отмечены еще одной блестящей победой. На самолете «Москва» летчик Владимир Коккинаки, пробив грозной фронт бури, за 24 часа пробыл расстояние в 7.600 километров от Москвы до берегов Тихого океана. Советские самолеты будут летать дальше всех, выше всех и быстрее всех. Тому порукой — готовность советских летчиков отдавать все свои силы, знания и мастерство родине, своему великому народу, — сказал тов. В. Коккинаки.

Замечательные слова! И они относятся ко всем передовым людям нашей родины.

Какое счастье жить и работать в такой стране, какое счастье служить такому народу, работать и творить для него, строить вместе с ним! Как полно, глубоко, всей грудью должен дышать в нашей стране каждый мастер культуры, каждый работник пера и слова. Для миллионов работает и творит он. Народ бесценен. Великая честь и слава работать во имя народа.

Писателю в нашей стране доверено великое оружие слова для борьбы бок-о-бок с народом, для песен о светлом счастье нашей страны, для разгрома черных замыслов контрреволюции.

29 июня в Москве состоялась грандиозная демонстрация трудящихся, посвященная блестящей победе несокрушимого сталинского блока коммунистов и беспартийных на выборах в Верховные Советы союзных и автономных республик. На снимке: колонны демонстрантов на Красной площади. Фото И. Величкина (Союзфото)

СООБЩЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ БЕСПОСАДОЧНОГО ПЕРЕЛЕТА МОСКВА — ХАБАРОВСК — РАЙОН ВЛАДИВОСТОКА

Вылетевший 27 июня в 8 часов 36 минут со Щелковского аэродрома (вблизи г. Москвы) беспосадочный перелет по маршруту Москва—Хабаровск—район Владивостока экипаж в составе летчика Коккинаки В. К. и штурмана Брядинского А. М. на двухмоторном самолете «Москва» конструктора Ильюшина С. В. блестяще выполнил поставленное задание и 28 июня в 9 часов 12 минут по московскому времени благополучно произвел посадку в Спасске в 155 километрах от Владивостока.

Трасса воздушного пути Москва—Хабаровск и далее до места посадки в Спасске равна по прямой 6.850 километров. Фактически пролетано за 24 часа 36 минут свыше 7.600 километров при средней скорости — 307 километров в час.

Перелет происходил по прямой линии Москва—Киров—Чердынь—Ванавара—Болдлово—Зей—Хабаровск и далее в район Владивостока.

Трасса полета проходила по неисследованной местности, над тайгой и тайгой. Полет осуществлен в чрезвычайно тяжелых метеорологических условиях. За весь путь экипаж видел землю только на протяжении 1000 километров, остальную часть пролетел за облаками и в облаках. Высота полета колебалась от 30 до 7.000 метров. При подлете к Хабаровску самолет «Москва» встретил мощный грозовой фронт с облачностью до земли. Выход из облаков в горных условиях стал невозможным. Обойдя грозовой фронт, экипаж вышел к берегу моря, где пробила облака и продолжил полет по намеченному маршруту. Материальная часть самолета после посадки находится в полной исправности. В баках самолета осталось еще 500 килограмм горючего. Самочувствие отважных летчиков хорошее.

Героический экипаж самолета «Москва» вписал блестящую страницу в историю советской и мировой авиации.

Правительственная комиссия

Состав экипажа: летчик-майор Моккинами и штурман-майор Брядинский.

Спортивные комиссары: майор — Нислов, Военный инженер 2 ранга — Невинный.

Состояние самолета исправное, горючего осталось 500 кг. Барографы и приборы в нем в исправном состоянии, сняты с самолета и переданы в Секретную часть.

г. Спасск, Дальний Восток, 28. VI. 1938 г.

О перелете самолета «Москва»

В районе Владивостока красный самолет появился на горизонте в 9 час. 06 мин. над городом Спасск; в 9 час. 09 мин. на высоте 1.000 метров сделал круг и произвел посадку в 9 час. 12 мин.

Самолет опломбирован. Экипаж принимает душ и завтракает. После завтрака будет отпущен. По окончании отлета экипажа, сообщим дополнительные сведения о полете.

Из Спасска, 28.VI.38 г. МОСКВА, КРЕМЛЬ

Товарищам Сталину, Молотову, Кагановичу, Ворошилову, Ежову

Перелет Москва—Владивосток выполнен за одни сутки.

Летчик КОККИНАКИ.
Штурман БРЯДИНСКИЙ.

Из Спасска, 28.VI. МОСКВА, КРЕМЛЬ

Товарищам Сталину, Молотову

Ваше доверие оправдал, задание выполнил.

КОККИНАКИ.

ВЛАДИВОСТОК

Тт. В. Коккинаки, А. Брядинскому

Горячо поздравляем вас с блестящим выполнением правительственного задания.

Героический перелет Москва—Хабаровск—район Владивостока, покрывший свыше 7.600 километров труднейшего пути в течение 24 часов и 36 минут, вписывает новую замечательную страницу в историю советской и мировой авиации.

Трудящиеся Советского Союза гордятся вашей победой. Обнимаем вас и ждем ваши руки.

И. СТАЛИН
В. МОЛОТОВ
К. ВОРОШИЛОВ
М. КАЛИНИН
Л. КАГАНОВИЧ
А. МИКОЯН

А. АНДРЕЕВ
А. ЖДАНОВ
Н. ЕЖОВ
Н. ХРУШЕВ
М. КАГАНОВИЧ
А. ЛОКТИОНОВ

Сообщение Центральной избирательной комиссии об общих итогах выборов в Верховный Совет РСФСР

По РСФСР имеется 93.927 избирательных участков и 727 избирательных округов по выборам в Верховный Совет РСФСР. Выборы проходили 26 июня 1938 года с 6 часов утра до 12 часов ночи.

27 июня в 12 часов утра окружные избирательные комиссии зарегистрировали избрание всех 727 депутатов в Верховный Совет РСФСР.

Все избранные депутаты являются кандидатами блока коммунистов и беспартийных.

В Центральную избирательную комиссию поступили данные об итогах голосования от всех 727 избирательных округов.

Подсчет количества избирателей, принимавших участие в голосовании, в основном закончен, если не считать ряда наиболее отдаленных участков.

По РСФСР было зарегистрировано 60.368.858 человек, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет РСФСР. Результаты подсчета голосования показали, что из этого количества избира-

телей приняло участие в голосовании 59.936.715 человек, что составляет 99,3% от общего количества граждан, пользующихся правом голоса.

Во всех избирательных округах по выборам в Верховный Совет РСФСР за кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовало 59.542.993 человека, что составляет 99,3% всего числа избирателей, участвовавших в голосовании.

Бюллетеней, признанных недействительными согласно статье 80 «Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР», оказалось 73.226. Бюллетеней, в которых вычеркнуты фамилии кандидатов, — 320.496.

Из 727 избранных депутатов Верховного Совета РСФСР — 568 коммунистов и 159 беспартийных. Женщин депутатов — 157.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР.
28 июня 1938 года.

Штурман А. М. Брядинский

Летчик В. К. Коккинаки

Мощная демонстрация советского патриотизма

Радостью и ликованием встретила Москва историческую победу сталинского блока коммунистов и беспартийных на выборах в Верховные Советы Союзных и Автономных Республик, на выборах в Верховный Совет первой среди равных — Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Эту великую победу радостно переживают на заводах, в шахтах метро, в институтах и учреждениях. И вчера, чтобы выразить свое счастье, свою преданность творцу Конституции великой социалистической демократии — товарищу Сталину, сотни тысяч советских патриотов пошли на Красную площадь, куда советский народ в дни своих праздников приносит свои ликующие песни счастья и побед. Колонны демонстрантов с песнями о Родине, о Сталине, о советских богатырях — героях, идут по улицам имени Кирова, имени Горького, Арбату к Красной площади. Они несут знамена, плакаты, портреты всемирного диктатора — товарища Сталина, любимых руководителей партии и правительства.

В 17 часов 10 минут колонны демонстрантов вступают на Красную площадь. Здесь, на гранитных трибунах, народных избранниках — депутатах, тысячах стахановцев московских заводов и фабрик, лучшие люди науки и искусства.

На левой трибуне мавзолея — т. т. Калинин, Угаров, Булганин, Димитров, Шкирятов, Шверник.

На бесчисленных лозунгах и плакатах начертано:

— Пламенный привет великому Сталину, первому депутату Верховного Совета РСФСР!

— Да здравствует новая победа блока коммунистов и беспартийных!

— Да здравствует партия Ленина—Сталина!

С восторженными словами привет обращаются в великому Сталину сегодня трудящиеся не только Российской Федерации, но и всего Советского Союза. Всюду, во всех союзных и автономных республиках блестящие победы сталинский блок коммунистов и беспартийных.

Нескончаемы ряды демонстрантов, участвуют рабочие, работницы, врачи, учителя, студенты, ученые, строители домов, школ. Над головами демонстрантов возвышаются полотношная с лозунгами, прославляющими Сталинскую Конституцию и ее родную дочь — Конституцию РСФСР.

В колонне демонстрантов Сталинского района столицы — коллективы Трансформаторного завода им. Куйбышева, заводов Автодорожного электрооборудования, Машиностроительного, Лампового, им. Лепсе, им. Фрунзе, которые первыми выдвинули кандидатуру товарища Сталина в депутаты Верховного Совета Российской Федерации. Безмерна их радость сегодня. К великому избраннику обращены все сердца и приветствия.

— Да здравствует товарищ Сталин! — несется громовое приветствие.

С музыкой и песнями в колонне Молотовского района идет коллектив завода «Точизмеритель» им. Молотова, первым выдвинувший кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР — главу советского правительства товарища В. М. Молотова.

— Да здравствует верный сталинец — глава советского правительства, избранный народом товарищ Молотов! — раздаются слова приветствия.

Громко звучат слова приветия демонстрантов в честь всеозванного старосты М. И. Калининна, в честь славных сталинских народных товарищей Л. М. Кагановича, К. Е. Ворошилова, Н. И. Ежова.

В колонне рабочих и работниц Краснознаменной Трехгорной мануфактуры им. Дзержинского находится знающая ткачиха Влодими Масленникова, избранная депутатом Верховного Совета РСФСР от Красно-Пресненского избирательного округа столицы. Здесь же идет воспитанная славным коллективом Трехгорки бытовая ткачиха, а ныне слушательница Промоакадемии т. Фадеева.

Во главе колонны демонстрантов Пролетарского района идет знающий мастер автозавода им. Сталина тов. З. Т. Фелюнова, замечательная девушка советской страны, удостоенная высокого чести быть избранной в социалистический парламент Российской Федерации от Пролетарского избирательного округа столицы.

— Да здравствует морально-политическое единство советского народа! — вот лозунг, который издали вылетел над колонной Сталинского завода им. Орджоникидзе. Вместе с коллективом этого завода, воспитавшим замечательного стахановца-фрезеровщика, ныне депутата Верховного Совета СССР, тов. И. И. Гулова, идут избиратели участка № 46 Ленинского избирательного округа тов. Москвитин.

Плакаты и лозунги демонстрантов призывают крепить обороноспособность страны. Они напоминают, что враг коварен и изворотлив. Над одной из колонн видны бессмертные слова великого писателя — А. М. Горького, звучащие в беспосадочной борьбе с врагами народа: «Если враг не сдастся, — его уничтожат!».

Посылая привет славным народомученикам и их боевому руководителю Н. И. Ежову, трудящиеся обещают все больше и больше крепить революционную бдительность.

Вместе со всей советской страной трудящиеся Москвы праздновали вчера триумфальную победу советской авиации. Героический перелет Москва — район Владивостока успешно завершён славными сталинскими питомцами тт. Коккинаки и Брядинским. Их имена сегодня славят вся наша родина.

Идут рабочие, инженеры, техники заводов им. Менделеева, создавшие прекрасные советские самолеты. Колонну возглавляют рабочие и инженеры, подготовившие самолет «Москва» к беспосадочному перелету из столицы в район Владивостока. Среди них — вылающийся деятель советской авиации, конструктор самолета «Москва» тов. Ильюшин, стахановцы Соколов, Солдатов, инженер Петров. Демонстранты несут портреты летчика Коккинаки и штурмана Брядинского. На транспарантах слова приветствия отважным сынам социалистической родины.

Вместе с рабочими, служащими, советской интеллигенцией — через Красную площадь идут бойцы и командиры Рабоче-Крестьянской Красной Армии — верные сыны великого народа. На алых полотнищах, реющих над демонстрацией, — слова любви и приветия Красной Армии, Флота и первого маршала Советского Союза — товарищу Ворошилову.

Два с лишним часа длилась эта замечательная демонстрация трудящихся Красной столицы, празднующих славную победу блока коммунистов и беспартийных, празднующих избрание в Верховный Совет РСФСР лучших патриотов родины.

Свыше миллиона трудящихся Красной столицы прошли вчера через Красную площадь.

(ТАСС).

Повесть Ю. Германа «Лашин»

В большой, уютно обставленной дровяной комнате живет рабочий уголовного розыска Лашин, пожилой, мясисто-грубый, добродушный человек, хохлатый, с седыми волосами, с добротой и снисхождением к себе и к другим. По ночам Васякает бродяжки (немного их никогда нет дома) и утром он «бесконечно длинным и будничным голосом» уверяет, что звонкая постройка сестры, и Лашин бывает вдоволь Ваской, но нем, когда Васяка приходит к нему с докладом, всегда оказывается, что «дело, которое он вел, шло блестяще».

Лашин одинок. Он советует Васяке жениться, а то «я вот так выбрал, выбрал и прошибрался». Лашин — человек опасной и трудной работы, и на курорте, куда он приезжает отдыхать, ему становится не по себе. Его тянет обратно в Ленинград, он считает: «Ваше государство послало отдыхать, то он должен это делать обязательно». Лашин в форме и сапогах (он уже снял санитарный белый костюм и шапку парижком) ходит по жаркому пляжу, считая дни до отъезда.

Вернувшись в Ленинград, он успокаивается. «Он был счастлив, глядя в окно на асфальт площади Урицкого, гулявший под дождем, был счастлив, разговаривая с прокурором о деле, был счастлив, распевая Побужинского и говоря ему громко и отрывисто:

— Работа спасает от всего, это извольте знать. У вас умер брат, я это все понимаю и готов вам помочь всем, что в моих силах. С братом вы вместе росли и вместе учились, все понимаю. Но он умер, а вы ничего решительно не делаете — это мне непонятно. Чем больше вы будете работать, тем лучше и легче вам будет. Поверьте мне».

Рабочий день идет своим чередом. Приходит Окошкин и занимается докладыванием, что «некто Тамаркин», с которым он учился в одной школе, украл в артели мотор.

— Его сажать надо, — сказал Васяка, — я мне как-то невольно. Может вы кого другого пошлете?

— Нет, тебя! — сказал Лашин. — Именно тебя!

— Почему же меня?

— А чтобы знал, с кем дружить! — кричал от гнева, сказал Лашин. — Некто Тамаркин и некто Тамаркин, а Тамаркин — ворюга».

Лашин — великодушный работник, и когда в угрозыск приходит артистка, которая собирается ставить пьесу из воробьевской жизни, начальник приводит их к Лашину.

— В нашем деле, — говорит начальник, — как и в вашем, товарищи, необходим не только опыт и настоятельность, но еще и талант. Товарищ Лашин — талантливый работник, очень талантливым и очень настоятельным».

Лашин влюбляется в артистку Наташу Адашеву, которая играет главную роль в пьесе. Захав за ней она идет в театр, он встает у нее своего знакомого журналиста Ханина. Ханин только что вернулся с Адашевой и узнал, что жена его, оставшаяся в Ленинграде, умерла. Ханин поселяется у Лашина, пытается стреляться (револьвер оказался незаряженным) и готовится к участию в каком-то перелете. Ханин считает, что он живет «грязно, но интересно, а Лашин чисто, но неинтересно».

— Брось своих жлобов к черту, — говорит он, — поедом бродяжить. Я тебе таких прекрасных людей покажу, такие горы, озера, деревья! А? Города какие! Поедом? Часто Наташа, Ханин и Лашин проводят вечера втроем. Но как-то получается, что Наташа и Ханин разговаривают, а Лашин молчит. Когда Ханина, принявшего по разрешению Лашина участие в операции против бандитов, ранят в живот, Лашин по волеению Наташи понимает, что она любит Ханина.

На этом в сущности повесть кончается, потому что отъезд Ханина, который так и не полюбил Наташу, возвращение Окошкина после неудачной женитьбы обратно к Лашину это только подробности. Нам интересуют герои повести Лашина, а Лашин продолжает работать, потому что «работа спасает от всего».

Повесть написана интересно, все, даже второстепенные персонажи (Бычков, Окош-

кин, Катя-Наполеон, Наташа Адашева) сделаны так отчетливо и верно, что их, как добрых знакомых, радостно узнаешь. Однако основное решение Германа кажется мне неправильным или, вернее, непродуманным до конца.

Что же это такое «жить» — интересно или неинтересно?

Приведа суждение Ханина, который говорил про себя, что он живет «грязно, но интересно, а Лашин чисто, но неинтересно», Герман и сам от себя добавляет: «Лашин действительно жил и часто и неинтересно».

Посмотрим же, как живет в повести Лашин и как живет Ханин.

Лашин — опытный работник розыска, орденосец. Преподает на курсах начальствующего состава. Читает и любит исторические книги. Ездит на охоту, хотя и не чаще раза в год. Очевидно был требователем в выборе жены: «Выбирал, выбирал, да и прошибрался».

«Лашин любил театр и относился к нему с той почтительностью и серьезностью, с какой вообще относится к театру люди, не сделавшие искусство своей специальностью. Каждое посещение театра для Лашина было праздником и, слушая слова со сцены, он обычно искал в них серьезные и поучительные мысли и старался эти мысли обнаружить, даже если их вовсе не было. Если же их никак нельзя было обнаружить, то Лашин сам выдумывал что-нибудь такое, чего хватало бы хотя на дорогу до дому, и рассуждал сам с собой, шагая по улице».

Все мысли Лашина направлены на социализма. Побывав на квартире у сотрудницы Бычкова, у которого неладит с женой, он начинает думать, что надо построить дом для сотрудников, и в свободное время обдумывает все его подробности, — вплоть до лифтов, детских площадок. Лашин любит людей, но всегда знает им цену.

У Ханина лицо гордое, измученное и красивое. Он носит трость. Он журналист, много едит, но ведет жизнь созерцательную.

Он рассказывает об умершей жене: «она очаровательная была, преступница. И нам так не везло, так не везло! Я нервничал, ревновал, мучился, ее мучил. Мне все что-то казалось. И она умерла».

Тоска по умершей жене так велика, что он пытается стреляться.

Ханин относится к Лашину покровительственно и с симпатией, но до последней минуты не замечает, что Лашин полюбил Наташу.

Итак:

Ханин не знает жизни — Лашин ее знает, Ханин эгоист — Лашин сердечен, Ханин созерцатель — Лашин деятель, Ханин неопределен — Лашин ясен и идеен.

Так почему же Наташа Адашева полюбила Ханина, а не Лашина?

С первого взгляда такой вопрос может показаться смешным. Но это только с первого взгляда. Образ положительного героя, ущемленного в личной жизни, встречается в нашей литературе довольно часто. Почему же положительные герои, которые вызывают в людях восхищение и уважение, не бывают любимыми?

Наташа — скромная, серьезная девушка. Она воспитана не только книгами, но и жизнью. Она интересуется не внешней стороной вещей, а их внутренним смыслом. Дружба Наташи с Лашиним началась тогда, когда актеры пришли советовать с Лашиним о постановке пьесы из жизни преступников. И тогда только Наташа и старый артист Захаров нашли в объяснениях Лашина ответ на свои вопросы. Остальным, которым хотелось услышать страшные «психологические» рассказы, Лашин показался неинтересным. Наташа считала Лашина умным, серьезным человеком, понимающим и знающим людей.

Конечно, женщины не обязательно любят самых умных и благородных мужчин, было бы смешно требовать, на основании каких-то объективных принципов, справедливости по отношению к Лашину. Первое впечатление, которое остается после прочтения повести, такое, что Наташа должна полюбить Ханина не потому, что выбирая из А и В, она полюбила почему-то А, а не В, а потому, что Ханин живет «интересно».

т. е. потому, что Ханин интереснее Лашина.

Даже сам Лашин думает: «И что нам с ней делать? Про жуликов говорить!» Он считает, что Ханин лучше его. «Я, конечно, хуже его, я ничего не знаю, а он знает много и видел много, и вообще он человек замечательный, умный, честный, а я что? Я себе работаю и работаю...».

Но стоит только вдуматься в прочитанное, и понимаешь, что разговоры об интересной и неинтересной жизни — это только прием, что Герман влюблен в своего героя, что героем своим он считает Лашина. В конце повести Ханин вдруг, без всякой связи с предыдущим разговором, спрашивает:

— Ты глупый или умный?

— Я средний, — улыбувшись сказал Лашин.

— Вероятно, ты умный, — сказал Ханин, — но я не понимаю твоего молчания.

Когда ты молчишь, я не знаю, что о тебе думать. Иногда я думаю, что ты железный». Однако читатель сделал свой выбор не в конце повести. Читатель выбрал Лашина с самого начала. И не потому, что конкретный Лашин лучше неконкретного Ханина, а потому, что идеальные, сердечные, деятельные Лашиним лучше гримасничающих, созерцательных, эгоистических Ханиных.

Я спрашиваю себя как читателя: увеличилось ли мое симпатии к Лашину его неудачная любовь к Наташе? Стал ли бы он «благополучнее», если б Наташа его полюбила? Конечно, нет. Лашин достоин любви. Счастливая любовь сделала бы его только еще более полноценным.

Итак, три причины: внешняя обывательность, преимущество Ханина перед Лашиним и вопрос о сочувствии читателя — оказались недействительными. Есть только четвертая причина, несколько странная и весьма неуважительная: автор боялся благополучной развязки.

Среди читателей и критики раздается в последнее время голоса против «стандартного счастья», против «летчиков и пограничников в литературе, которые начинают встречаться в рассказах так же часто, как и переживания в пьесах прежних лет». Повторение эпизода «переливание крови» в пьесах было плохо лишь потому, что приводилось как единственное доказательство преданности родине и самоотверженности, между тем, как есть много других этому доказательств. Плохо ли, что много пишут о летчиках и пограничниках? Нет, не плохо. Летчики и пограничники у нас в стране много, это новая профессия, характерная для эпохи, для уровня развития нашей страны, эта профессия тянет к себе всю лучшую молодежь, и, естественно, поэтому, что тема о пограничниках и летчиках привлекает к себе писателей так же, как привлекала когда-то тема о земских врачах и народных учителях. Худо не это, худо, если о мужественных людях пишут плохо, сладко, нарочито эффектно. Тогда и благополучные развязки раздражают. Но ведь все это бывает тогда, когда пишут плохо. А Герман написал со своим пером очень хорошо. Зачем же ему поավобилося сделать Наташу глупой, а Лашина несчастным? Неважно. И если Герман сделал Лашина несчастным, то это тоже стандарт. Литературная традиция оказалась сильнее правды жизни. И очевидно, у Германа не оказалось достаточно средств сделать своего героя замечательным, не делая его несчастным. Если бы Герман позволил героям пережить в повести самим (а они это могут, потому что они и «уже живые»), то Наташа пришла бы к Лашину, а не к Ханину. Да Ханин и возник случайно. Наташа знала его раньше, но никогда не любила его, в театре она встретила его, как доброго товарища, расчленила при всех и шуточно спросила: «прошел ли колит?». Лашин был новым для нее человеком, он заинтересовал ее с первого знакомства, она знала ему, приходила к нему советовать, видела его мужественность, храбрость, энергию, — она не могла не полюбить его. Такова логика фактов.

И если бы Наташа полюбила Лашина, — выиграла бы все — и она сама, и Лашин, и читатель, и те прообразы Лашинских, которым неприятно видеть себя в талантливых повестях несчастными, а в бедларных — счастливыми.

С 20 по 26 июня в Ташкенте (Узбекская ССР) проходил смотр художественной самодеятельности Узбекистана. На снимке: народный певец Кара-Калицкий Дулмагли Сагимбаев, 63 лет, поет под собственным аккомпанементом на народном инструменте «стугар» (солодх им. Ахун Бабаева, Кара-Узский район).

Два стихотворения Юры Оджагова

В Ростове-на-Дону я познакомился с 12-летним школьником Юрой Оджаговым. Из полученных мною стихотворений Юры Оджагова я отобрал два, которые, по-моему, представляют интерес для читателей «Литературной газеты».

Лев Длгач

Картина

Ночь не спал напроект знаменитый художник. Он ходил точно сонный, с горящим лицом. Он хотел невозможное сделать возможным. Чтоб душа потряслась перед серым холстом.

Он хотел, чтобы кони лягались и ржали. Чтобы зрители ветер полей достигали. И неслись облака в голубошей дали. И жетели в полях золотые стага; Чтобы солнце струило тепло и отгау. Ветерок шевелил травяные ковраы...

И просяживал он по часам над бумагой. Изменял от мысли, желаний, жары. Он сломал карандаш, хлопнул вверье и вышел.

Сердце громко стучало в горячей груди... Уж расцвет золотой тротуары и крыши. Но усталый художник бродил и бродил. Он смотрел, как бегут в институты студенты.

Как трамвай звенят, пассажиры неся, Как дождями и вихрем осенним раздетый Обсыпает желтый пустующий сад. Понимал, что природа — злодей вхохочив- тель,

Что лишь только в просторе возможно творить.

Что с людьми лишь в общении быть может открыто печальней.

Побежал он домой, краски в руки схватил. Все, что видел глазами и воображением, Он чудесно на мертвом холсте воплотил.

Радуя

(Из Шиллера)

Перелетев в небе, рада Отправя дорогой своей, Ты стала, радуя, наградой Поля за долгие лень дождей. Великим зочи не воздвигнуть Моста такого в облаках, Орлам вовек не достигнуть Тебя в подползатных краях...

Но лишь победными лучами Край тучи грозной засверкал, Пропал ты меж облаками, Как пред тобою голый пропа.

Рассказы С. Левмана

Когда-то С. Левман написал книгу «Современная шахматная задача». Первый обзор ее гласил: «Шахматная задача есть искусственная позиция со специальными заданиями: белые, начиная, дают мат в указанное количество ходов. Черные могут защищаться всеми доступными им средствами, но тем не менее белые дают мат в определенный срок».

Теперь, спустя десять с лишним лет, С. Левман выпустил книгу рассказов, написанных в строгом соответствии с этим необычным положением шахматного композиционного искусства. Любимый рассказ из его книги (исключение представляет небольшая повесть «В стени» — о ней ниже) целиком подтверждает это. И, естественно, что такое своеобразное перенесение законов одного вида искусства на другое дает хорошие результаты.

Печать абстрактных, вымученных построений, публицистически обнаженных и неглубоких идей, схематичности, хрестоматийного благодушия лежит на рассказах, вошедших в эту книгу с новым названием «Простые рассказы» («Сов. писатель» 1935 г.). Рассказы Левмана вовсе не «просты». Они — искусственны. Вместо подлинной жизни в них — надуманные ситуации, анекдот, в лучшем случае неправдоподобное совпадение, расчет на злободневные темы. Вместо подлинных человеческих чувств, поступков и мыслей — фальшивые страсти, голые сюжетные схемы, постылки действующих лиц, заранее известные читателю, как двенадцать шахматной пешки, которое раз и навсегда обусловлено — вверх на одно поле и быть наикосей.

Достаточно рассказать сюжеты двух-трех рассказов, чтобы этот характер книги стал совершенно ясен.

В рассказе «Канонада», например, возвращается в родную деревню демобилизованный красноармеец Григорий Пухов. А в канонаде, в 60 километрах от деревни лежит государственная граница. Ночью Пухов будит канонаду. В колхозе никто не знает, в чем дело. И чтобы выяснить причину канонады, он решает идти ночью на лыжах за пятьдесят километров в районный центр.

До сих пор рассказ развивается довольно правильно и возражений не вызывает. Тема ясна — бдительность и решимость, воспитанные в Красной Армии. Но дальше авторский замысел оказывается абсолютно несостоятельным. Пухов районного центра и там узнает, что канонада вызвана вовсе не вражеским нашествием, а тем, что где-то поблизости от колхоза разут камень на строительстве.

Но этого мало, Пухов просит, чтобы ему выдали в райкоме бумажку о причине канонады, так как боится, что колхозники без доказательства ему не поверят. И секретарь райкома, вместо того, чтобы возмутиться или рассмеяться, с разраганным видом благодарит парня: «Спасибо», — сказал он, крепко сжимая руку лыжника.

Много у вас в Шарове таких? — Он посмотрел на смущенного Григория и улыбнулся. — Таких вот... лыжников?».

Левман полностью присоединяется к чувствам секретаря райкома вместо того, чтобы осудить их и объяснить читателю, что колхозникам следовало бы знать о строительстве, идущем в их районе, ибо их невнимание делает бессмысленной их бдительность. Но тогда не было бы рассказа. И чтобы сделать рассказ возможным, Левман грешит против истины и здравого смысла.

Возмем другой рассказ. Профессор, бывший двадцать лет назад рабочим, едет на конференцию на Урал, в тот город, где когда-то участвовал в первых отрядах боях. На конференции он встречается со старым уральским работником, а теперь комдивом. Разговорились. Начали вспоминать боевые годы. Профессор рассказывает о трудном задании, которое дал ему тогда ревком, и которое он выполнил вместе с двумя товарищами — солдатами. Комдив что-то слишком хорошо знает эту боевую ситуацию, и у читателя сразу же возникает подозрение, что этот комдив и был как-раз одним из тех солдат, которые выполняли задание вместе с профессором. Допустим, что такая встреча вполне возможна и сама по себе не вызывает возражения. Советские люди быстро и чудесно растут, и в такой встрече еще нельзя усмотреть авторский провал. Бывает. Но

рассказ продолжается. Профессор забывает, и когда к нему вызывают доктора — этот доктор оказывается третьим солдатом, который вместе с профессором и комдивом выполнял поручение ревкома 20 лет назад. Это уж ситуация полная простоты. А кроме того, почему профессор так недогадлив, — ведь читатель давно давно узнал его бывшего товарища, а он узнает их только после того, как они оставляют ему записку со sobą.

Это фальшь, неправдоподобие, натяжка, и вызваны они системой, по которой построены все рассказы в книге Левмана.

Левман — шахматный проблемист — писал когда-то «двууходовая шахматная задача, как явствует из самого задания, состоит из двух ходов белых... При таком ограниченном количестве ходов само собой понятно, что первый ход белых — ключ к задаче — играет огромную роль».

И вот, в полном соответствии с этой установкой, возникает рассказ «Решенная задача», автор с полной откровенностью демонстрирует свой художественный метод.

В этом рассказе повествуется о том, как в санаторий приезжает авантюрист. Отправившись на отдых, он захватил с собой задачу по геометрии и развлекается на досуге решением их. В столовой санатория на его столике подсаживаются двое — мужчина и красивая женщина с «мстительным гном» (?).

Фигуры расставлены на доске. Теперь надлежит сделать первый ход.

Этот первый ход делается на поле «а» в верхнем канонаде, куда, вместе с авантюристом, должна была отправиться и женщина с мстительным гномом. В последнюю минуту она отказалась, сославшись на недорогость. И вот когда начался подем... «стремительная мысль — выволочила ее (авантюристку)». Бумаги, оставленные в верхнем ящике стола. Она (т. е. женщина с мстительным гномом) видела, как он укладывал их в незапертый ящик... Внезапная мысль забилась в мозгу, как потревоженная оса».

А так как в двухуходовой задаче за первый ход сразу следует мат, то автору ничего больше не остается, как ограничить полноту авантюристки назидательностью в своей комнате он, конечно, застаивает женщину, копирующую записанные им для бабы геометрические задачи.

Черные получили мат в два хода, и автор, ревмизму достигнутый результат, не делает из этого секрета. «Задача была решена», так и пишет он в конце рассказа.

От искусства шахматной композиции в рассказе Левмана есть и положительные качества — экономия материала. В рассказах нет лишнего, ненужных описаний. Но, вместе с тем, основной порок — деформация действительности и схематичность — не проходит бесследно и приводит к стилистической безвкусице, к небрежному отбору слов, к банальности. Тут и упоминания выше «мысль, забившаяся в мозгу, как потревоженная оса», и «вожак трели байнов», и «написанные на лице отчаяние» (кстати, дело происходит ночью, и что написано на лице, при всем желании разглядеть нельзя). И то, что в двух рассказах, на протяжении нескольких страниц автор не находит на своей палитре других красок кроме золота и серебра и пишет: «сравний вспыхивал, подобно расплавленному золоту», «золотые брызги», немного дальше «серебряное спокойствие реки», «золотой парашют», «золотые искорки», «самолет, сверкающий золотом».

С. Левман достаточно опытный автор, чтобы кто-нибудь мог предположить: вот он прочтет эти краткие критические замечания и тотчас же осведомится от всех недостатков. На это трудно надеяться. Однако то, что в его книге имеется небольшая повесть «В стени», повесть о еврейских колхозах на Украине, правдивая, бесхитрая, с живыми и милыми людьми, дает основание дружески посоветовать автору отделиться от надобленного, скомпонованных сюжетных схем и больше присматриваться, как он делает это в повести, к многогранной, прекрасной, реальной советской жизни.

ПРОТИВ ШАБЛОНА

А. МАКАРЕНКО

В порядке обсуждения

Статья О. Войтинской «Стандарт и жизнь», поднимающая вопрос чрезвычайно важный, гораздо более важный, чем может показаться с первого взгляда. Давление стандарта на часть нашей литературы — одно из самых печальных явлений нашего литературного сегодня.

Однако т. О. Войтинская очень ошибается, если думает, что стандарт художественного образа вытекает из прямой воли писателя или из его творческой некомпетентности. Поговорите с любым писателем, и вы увидите, что сложная, напряженная, многообразная жизнь советского общества, ее многогранность, здоровье, оптимизм, богатство и новизна перспектив всем явными, все живут в этой жизни, она просится на полотно и требует изображения. И каждый писатель (разумеется, мы говорим о настоящем писателе, обладающем талантом и синтетическим умом) хорошо знает, что показывает нашу жизнь в богатстве блеска, пожалуй, даже легче, чем выводить добродетельные и скучные типы.

Но писателям известно и другое. Попробуйте написать картину настоящих живых движений наших людей, попробуйте выйти из стандарта. На вас со всех сторон набросится по какому-то незаразумно существующие в нашей жизни мертвые души, околитературные мелкие жители, присвоившие себе право судить о литературе. Ваши живые краски невыносимы для них, табельны для их существовании, принципиально, а еще более практически неприемлемы. Чтобы разобраться в живых красках, нужно знать и любить нашу жизнь, нужно уметь в ее сложных и тонких проявлениях находить общие законы и животворные идеи советской эпохи. Для того, чтобы все это увидеть, узнать и определить, нужно иметь аналитический талант, богатый художественный вкус и положительное отношение к новому. А если ничего этого нет?

Наша жизнь сплошь новая. Все в этой жизни: единство, строительство, борьба,

победы, — все по-новому богато, по-новому радостно и по-новому трудно. Каждый день приносит нам самые новые и самые неожиданные открытия в самой природе человека, в его красоте, в его радости, любви, и даже в его слабости, страданиях, ошибках.

Художественная литература теряет смысл, если писатель не будет открывать это новое, если он не способен показать наше общество в движении, если он не способен предчувствовать завтрашний день. Для этого требуется не только острый глаз и выразительное слово. Для этого требуется и смелость и умение с товарищеской прямотой сказать новое слово.

И необходимо сказать правду: наша критика давно уже отбыла у писателей охоту к смелости и к активному проникновению в жизнь. Я не хочу обвинять всю нашу критику в целом. У нас появились иногда живые и искренние критические статьи. Но гораздо чаще «в обычном порядке» в роли критиков у нас выступают люди, ничем не вооруженные, кроме шаблонов, и шаблонов этих у них немало. На глазах у всех, при явном присутствии редакций, эти критики открыто предлагают своему ужасному делу, с безымянной хладнокровностью они разравниваются с любым художественным произведением, расправляются коротко и безапелляционно. Бывает — авторские образы не лезут ни в какие шаблоны, и критика насильно вталкивает их, в его руках все обращается в сплошной перекос, но критик не замечает этого. Он работает с завидной добросовестностью: выбирает словечки и цитаты, передегугирует, подшаривает, и то, что противоречит шаблону, пропускает и отбрасывает. Эта своеобразная композиционная работа с внешней стороны чем-то напоминает критический анализ, а такого отлаженного скота достаточно

то, чтобы статья печаталась и вызывала похвалы и зависть других таких же владельцев двух-трех шаблонов.

Я сам недавно подвергся такой «критической» операции. В «Литературной критике» т. Малахов поработал над моим романом «Честь». Он с таким увлечением набросился на меня, что даже не заметил, что напечатана только первая половина романа, — все равно! В его руках имеется два шаблона для провинциального рабочего эпохи 1914 года: «рабочий пораженец» и «рабочий провинциал». Малахов вертел, вертел моих героев, тискал их в свои шаблоны, и сначала ему даже показалось, что они ни в какой шаблон не лезут. Потом так втиснул и объяснил, что они провинциалы. Все это сделано с самым невинным выражением лица и даже сопровождается подходящими поучениями.

Я не хочу защищать свой роман. Я допускаю, что «Честь» — слабая вещь. Я готов принять с самой искренней покорностью от читателя и критика отрицательный отзыв, даже без доказательств, в самой простой форме: «не нравится». Если одному не нравится, другому не нравится, третьему — что же, значит роман плохой, и нужно с этим считаться. Но если критик пускается в доказательства, то это уже касается не одного меня, а является установкой для всей литературы. В таком случае я хочу уважать своего критика, я не люблю, когда он меня смешиет, мне тяжело, когда он размахивает перед моими глазами своим двумя шаблонами. Я замечаю, как во мне зарождаются отвратительные наклонности: немолчно в своей работе начинаю применяться в тем двух шаблонах, которые мне предъявлены, я начинаю работать на критика. В моем романе сказано, что женщины, провозжая мужей на немецкий фронт, «не кричали, а тихонько плакали». Критик совершенно серьезно вывел отсюда заключение, что женщины этих мужей причисляет к провинциалам.

Тов. О. Войтинская протестует против стандарта. И я протестую. Протестует и читатель. Но, дорогие товарищи, почему

же в таком случае свободно пишут и свободно печатаются владельцы многогранных стандартов, которые среди бездла для открыто требуют от меня именно шаблона, которые делают погоду в литературе, которых я должен бояться и признаюсь... уже боюсь.

Надо иметь большое мужество, чтобы игнорировать подобные явления. Но если даже у писателя найдется это мужество, то оно не всегда найдется у редактора или издателя. Я еще говорю, например, отстаивать «тихо плакали», но редактор всегда может сказать на это:

— Стоит ли из-за такого пустяка переживать? Давайте зачеркнем «тихо» и напишем «громко». Все-таки спокойнее!

И вот я уже смеюсь, я начинаю изучать шаблоны, часто даже бессознательно. Я делаю преступление, и вместе со мной делают преступление многие мои коллеги. И я вижу, как замолкают порой талантливые критики, как они уступают дорогу мелким налетам схематиков, у которых так мало вкуса и ума, но зато так много развязности, самоуверенности и странной, ничем не объяснимой безответственности.

О. Войтинская подняла важный вопрос, но он не может быть разрешен без резкой той системы измерителей, которая зачастую у нас практикуется. На любом правильно организованном советском заводе репаную роль играют отряды контроля. Контрольное хозяйство заводов — это богатейшее и сложнейшее дело. Это научно организованная система точности, это не только шаблоны, — это микрометры, допуски, знание материала, инструментов, приспособлений.

Жизнь советского общества неизмеримо более сложна, чем работа самого прекрасного завода. В нашем Союзе более 170 миллионов индивидуальностей, совершенно отдельных, неповторимых, каждая в своей мере исключительных. Эта сложнейшая картина усложнена тем важнейшим обстоятельством, что все эти индивидуальности живут на свободе, что для них открыты широкие юрты, что они не задаланы эксплуатацией и нищетой.

Мы, писатели, обязаны показать эту богатую многогранность нашей жизни. И мы хотим показать ее, но мы требуем, чтобы наша работа измерялась и оценивалась с таким же уважением к советскому

миру, какой требуется и от нас, писателей. И нас и нашу жизнь осматривает применение кустарных критических шаблонов.

Идеологическим источником стандартизации наших литературных героев является упрощенное представление о нашем советском человеке и вообще о нашем трудящемся. Между нами говоря, его упростили до последней степени, его разделили донага, его снабдили стандартными добродетелями, от которых за сто километров несет христианством. Его научили крепко умирать от чихотки, его научили проныкать непогрешимо-прописные речи, в которых, конечно, не бывает ни одного грамматического нарушения.

И этого самого нашего героя освободили от всех конфликтов и радуются: какое счастье, бесконфликтное существо! Наш герой давно отвык раздумывать, мучительно решать, страдать от неудобств. У нашего героя нет лирики, юмора, сарказма. Это какое-то облепченное существо, у которого все решено, все известно, и которому неизвестно только грех.

Разве наши люди таковы, разве так скучна и однообразна их жизнь?

И счастье нашего человека вовсе не заключается в свободном и безоблачном существовании, наше счастье ни в какой мере не напоминает райского житья, полного святости и бездельности.

И прежде всего наш советский человек вовсе не бесконфликтен. Напротив, характерной особенностью нашей жизни является ее конфликтный характер. Как раз свобода нашей жизни прежде всего приводит к обнажению конфликта, к возможности атаки на конфликт. Наша жизнь именно потому прекрасна, что мы способны бороться, то-есть разрешать конфликты, смело идти их навстречу, смело и терпеливо переживать страдания и недостатки, бороться за улучшение жизни, за совершенствование человека. Только человек живет на свободе, что для нас открыты широкие юрты, что они не задаланы эксплуатацией и нищетой.

Мы, писатели, обязаны показать эту богатую многогранность нашей жизни. И мы хотим показать ее, но мы требуем, чтобы наша работа измерялась и оценивалась с таким же уважением к советскому

За новый и хороший учебник по литературе

Совещание московских педагогов в редакции «Литературной газеты»

Наши предложения

На днях редакция «Литературной газеты» провела совещание преподавателей средней школы по вопросу о создании учебников литературы. Совещание подтвердило серьезную критику существующих учебников и внесло ряд чрезвычайно важных предложений. «Создание новых учебников», — сказал преподаватель т. Шпаер, — нельзя отрываться от борьбы за передовую литературную науку.

Тов. Шпаер от имени передовых педагогов предъявил весьма серьезные требования нашим литературоведам, многие из которых далеко еще не являлись передовыми деятелями науки.

Создание учебника в советской стране — дело государственной важности. А между тем и Наркомпрос и Учпедгиз проявили удивительную невнимательность, ничем необыкновенно равнодушные. Еще в 1936 году были опубликованы чрезвычайно важные замечания Алексея Максимовича Горького об учебниках для средней школы. Однако эти замечания никак не были учтены составителями учебников. Учебники писали люди, равнодушные к литературе, не имеющие художественного вкуса. Такое положение даже нетерпимо. Нужно создать учебники, отвечающие требованиям передовой науки, возбуждающие в учащихся любовь к литературе.

У нас в стране есть превосходные педагоги, вышедшие в свое дело. Где и кем был обобщен их опыт? Даже в Москве преподаватели работают в одиночку. В ряде школ учителя не понимают, что значит народность литературы, как нужно бороться с вульгарным социологизмом. В иных школах под шумок пытаются ликвидировать марксистский анализ литературных явлений, в некоторых до сих пор преподавание литературы поменяют «судимыми» над величайшими классиками мировой литературы.

«Основной недостаток школьных методов преподавания», — рассказывал учитель т. Гуревич, — в том, что они напоминают приемы, практикуемые в анатомическом театре. Я был на испытаниях во многих школах, и мне казалось, что я нахожусь в своеобразном анатомическом театре, в котором разрезанные на части произведения писателей бесстрастно рассматриваются на операционном столе».

У Наркомпроса есть все возможности для создания учебника, написанного в живой, занимательной форме, учебника, построенного на основе гражданской истории.

Но для этого необходимо, чтобы Наркомпрос отстал от остальной роли стороннего наблюдателя, чтобы он по-государственному задался вопросом о создании учебника, чтобы он научился прислушиваться к голосу общественности, к голосу рядовых педагогов. Еще 5 июня депутат Верховного Совета СССР тов. Леонова в передовой «Литературной газете» запросила Наркомпрос по вопросу об учебниках. Того же тов. Леонова писала:

«В первую очередь инициативу должны проявить наркомпросы наших республик. Они должны выполнять четкую директиву главы советского правительства товарища Молотова — «умело собрать необходимые... научно-преподавательские силы». Надо настойчиво и серьезно поработать над организацией этих сил, осуществить

правильное руководство ими, и тогда безусловно будут созданы отличные учебники».

С тех пор прошло немало времени. Но Наркомпрос не нашел нужным ответить на опубликованные в «Литературной газете» многочисленные письма преподавателей, на их статьи на запрос редакции, наконец, на статью депутата Верховного Совета СССР тов. Леоновой.

28 июля мы обратились к заместителю наркома просвещения тов. Лихачеву. Тов. Лихачев ответил нам, что со статьей тов. Леоновой он незнаком. Как же поставлена организация работы по составлению учебника в Наркомпросе, если заместитель наркома просвещения до сих пор не удостоился ознакомиться со статьей депутата Верховного Совета, направленной прямо в адрес Наркомпроса?

Можно себе представить, как относятся Наркомпрос к многочисленным заявкам рядовых педагогов, тех людей, которым доверено такое важное дело, как преподавание литературы в школе!

Наркомпрос не может оставаться в роли стороннего наблюдателя. Он должен по-большевистски ввязаться за выполнение директив партии и правительства, за выполнение указаний тов. Молотова о необходимости создания учебника.

Редакция «Литературной газеты» выносит на обсуждение писательской и педагогической общественности следующие предложения:

1. Организовать конкурс на составление учебника по литературе, привлекая к этому делу лучшие литературные и педагогические силы страны. Надо всячески приветствовать инициативу А. Толстого и равнодушно им авторской бригады.

2. Лучшие писатели страны должны создать учебник для советской детворы. Мы уверены, что Тютчев мог бы в занимательной и живой форме написать главу учебника о Пушкине и Гребенкове, Чуковский — о Некрасове, Фадеев — о Льве Толстом, Воровцов Иванов и Маршак — о Горьком, Корнейчук — о Шевченко и т. д. и т. д.

3. Создать библиотеку словесника, включив в нее выдержки из Маркса и Энгельса об искусстве, статьи Ленина о литературе, классические работы Великого, Добролюбова, Чернышевского, статьи Пушкина, Максима Горького.

4. Организовать выпуск библиотеки школьника, состоящей из лучших произведений классической русской и советской литературы.

5. Со всей серьезностью подойти к составлению глав учебника, посвященных советской литературе. До сих пор подбор произведений был совершенно случайным и определялся зачастую конъюнктурами образами чиновников от литературы и педагогов. Учебник должен быть стабильным, следовательно, должен быть произведен самый суровый отбор действительно лучшего, что имеется в советской литературе. Этот отбор должны производить крупнейшие писатели и ученые страны.

6. Создать журнал «История литературы», где специально вести раздел в помощь преподавателю истории литературы.

7. Учебник должен быть выпущен в самый короткий срок. Время не жлет.

РЕЧЬ тов. А. БОБКОВОЙ

(Преподаватель 527-й школы)

Все согласны с тем, что существующие учебники по литературе не удовлетворяют школу, но обычно речь об учебнике заканчивается указанием его недостатков.

Пора начать говорить о том, каков же должен быть учебник по литературе.

Из учебников для старших классов особенно отрицательные отзывы вызывает «Русская литература», ч. 1 Абрамовича и Головенченко (учебник для VIII класса). И действительно это чрезвычайно сухая и скучная книга.

Учебник для VIII класса начинается главой о «Слове о полку Игореве», дальше почему-то идет глава о фольклоре. В школьных же программах тема о былинах предшествует «Слову».

Глава о былинах особенно неудачна и не удовлетворяет ни преподавателей, ни учащихся. В первой главе будущего учебника следует определить прежде всего, что такое фольклор, что входит в это понятие. Определения и выводы печатать жирным шрифтом, так же, как даты и имена. Дальше объяснить, что такое былина, ознакомить, хотя бы вкратце, с теми историческими и бытовыми условиями, в которых создавалось большинство былин, подробно рассказать об авторах былин и о первых сказителях, нужно сообщить о первых записках былин и сказок, о сборнике Кириши Давыдова. Образы русских богатырей, самоотверженных, преданных своей родине, борющихся за землю русскую, — вот на чем следует сосредоточить внимание учащихся.

После главы о «Слове о полку Игореве» нужно дать главы о русской литературе XIII—XVIII вв. Это займлет пробел, который образовался, когда после «Слова» преподаватели переходили непосредственно к Державину, и у учащихся составля-

лось впечатление, что за шесть столетий ничего значительного в русской литературе не появилось.

Коренной переработке необходимо подвергнуть и остальные главы учебника, обратив особое внимание на вводные главы, которые сейчас совсем непригодны для школьников. В этих вводных главах говорится обо всем понемногу, в то время когда надо в них говорить об основном литературном стиле той или иной эпохи. Так, главам, посвященным Державину и Фонвизину, следует предпоставить главу о классицизме, в которой понятно объяснились бы основные особенности этого стиля и Краткое соображение о представлении его на Западе и в России.

Следует поторопиться с изданием репродукций картин известных художников, потому что картины, умело подобранные, дают богатейший материал, помогающий ученику усвоить творчество того или иного писателя.

Надо добиться также издания портретов писателей, ибо нетерпимо положение, когда даже в Москве нельзя купить большого портрета Лермонтова, Шевчука или Чехова.

И, наконец, параллельно с работой над созданием учебника надо заняться и подготовкой для самого преподавателя. Ведь сейчас часто единственным пособием для учителя (особенно провинциального) является тот же учебник, которым пользуются и ученики.

Здесь на помощь учителю должны прийти писатели и литературоведы. Литературные работники обязаны заняться составлением монографий о писателях и дать ряд серьезных статей в помощь учителю.

РЕЧЬ тов. Д. РАЙХИНА

(Преподаватель литературы 19-й школы)

«Литературная газета» делает большое дело, обсуждая вопрос о преподавании литературы в школе. Но не совсем будет правильно, если обсуждение сводится только к критике учебника по литературе, хотя сейчас составление полноценного учебника — важнейшее дело.

Литература должна занять в школе то место, на которое она имеет полное право. Литература является ведущим предметом в школе прежде всего потому, что эта дисциплина в огромной мере формирует сознание учащихся, определяет их кругозор, создает учителя. Нам нужен волевой и мужественный человек, который мог бы быть творческой личностью, и литература помогает формированию именно такой творческой личности.

Вопрос об учебнике тесно связан с вопросом о программе по литературе; переделке и перестроению должна подвергнуться именно программа, которая построена скачкообразно, в ней целый ряд вопиющих провалов. При изучении писателей XVIII — XIX вв. из программы и из учебника совершенно выпал крупнейший русский писатель Крылов.

Очень важно при изучении писателя правильно осветить его биографию. Надо, чтобы учащиеся знали не только творчество писателя, но и знали человека-писателя. Надо к каждому писателю подходить так, как Маяковский подходил к Пушкину: «Я люблю Вас, но живого, а не мушкетера».

Вот «живого» поэта, а не «мушкетера» и надо уметь показать. Наше первое требование — увлекательно, ярко, красочно, с сохранением всех индивидуальных черт показать писателя, показать его окружение. Между тем биографии Державина, Лермонтова, Беллинского и др. составлены безобразно.

Учебник — книга для миллионов, и эта книга должна быть издана, с хорошими иллюстрациями.

Мне кажется, что наряду с работой над новой программой и новым учебником сейчас же нужно поставить вопрос о составлении серии книг «Биографии учителя-словесника». Учитель — москвич и ленинградец — имеют прекрасные книгохранилища, тогда как провинциальные учителя лишены возможности пользоваться этими книжными богатствами. Часто учитель пользуется тем же материалом, которым пользуется ученик. Нужно, чтобы в распоряжении учителя были прекрасные отредактированные и подобранные книги.

Если переиздать статьи Великого, Писарева, Добролюбова, Чернышевского, для библиотеки словесника это было бы большое дело.

И одновременно нужно пополнить школьные библиотеки хорошими книгами. Наши ребята читают очень много, — у нас прекрасная молодежь, — но сколько лишнего времени тратится ею на книги! Поэтому ускоренный выпуск книг для учащейся молодежи также улучшает преподавание литературы в школе.

Очень несостоятельны наши хрестоматии и школьные издания художественных текстов. Не знаю, как Шолохов мог согласиться на то, что сделал с его «Политой пелюхой». Есть в школе книга. Называется она «Политая пелюха». Книжечка в два раза тоньше романа. Многие сцены совершенно выпущены; реплики и диалоги сокращены до невозможности, и от шолоховского романа осталась только его конспекта. То же произошло и с «Разгромом» Фадеева. В результате учащиеся не получают полного представления о многих произведениях.

Вот те вопросы, о которых следует сейчас говорить. Надо говорить не только об учебниках, но и о программах, о хрестоматии, о биографиях, об иллюстрациях. Одним словом, надо говорить о преподавании литературы в средней школе.

РЕЧЬ тов. Г. ШПАЕРА

(Преподаватель литературы областной школы режиссеров колхозной самодеятельности)

Нужно всячески приветствовать широкое обсуждение вопроса о создании нового учебника по литературе преподавателями и литературной общественностью, организованное «Литературной газетой».

Однако создание новых учебников нельзя отрывать от борьбы за передовую литературную науку. Наша печать приволила и приволила много анекдотических, вездешных ответов учащихся на экзаменах, свидетельствующих о непонимании и грубом искажении литературы. Со всех сторон слышатся жалобы на плохое преподавание литературы. С большим трудом лучшие педагоги-словесники преодолевают недостатки и добираются до настоящих знаний.

Плохой учебник Абрамовича, Головенченко и др. раскритикован. Но позволительно задать вопрос: неужели значительная часть преподавателей литературы так неразвита, глупа и равнодушна к искусству слова, что настойчиво, с усердием, превосходившим рассудок, вкладывала в головы учеников явно негодное содержание явно негодного учебника? Конечно, нет. Дело в том, что по пониманию литературы, которое проповедуется в учебнике, было широко распространено в кругах литературоведов, но так как эти литературоведы ошерявали научную терминологию, писали на языке отвлеченном и несколько туманном, то их вульгарно-социологические теории не выделяли внешне так нелепо, как они выглядят, будучи переведенными на более простой язык школы.

Чужое марксистское понимание русской классической литературы в учебнике Абрамовича и др. есть в значительной мере результат влияния работ Деспинского, Цейлина, Благого о Гоголе, Пушкине, Островском.

Учебник, излагающий основы науки, может быть написан только тогда, когда разработана самая наука, когда она является передовой наукой.

Через книгу, программы, семинары, лекции, методические объединения голами вульгарно-социологическая чужь преподавалась учительству и выдавалась за последнее слово марксизма. Часть учительства критически относилась к этим теориям, но значительная часть их усвоила. Учительству надоела чехарда литературоведческих «кустарников», и оно страстно, искренне стремится усвоить глубокое марксистско-ленинское понимание искусства. С горечью приходится признавать, что литературоведы, за малым исключением, в этом учительству не помогают. Они, как запутанные свиства, живут на своем воздушном острове, погруженные в сладостные абстракции.

Наивные люди считают, что с вульгарным социологизмом уже покончено. Но так думают люди, которые представляют себе движение просвещения, как движение журнальных статей, а не как воспитание живых людей. На самом деле (и это знают преподаватели) среди учащихся часто в ходу еще учебники Назаренко, Войтовского. Среди молодежи, окончившей школу до 1934—1936 гг., в ходу ряд вредных легенд о великих художниках слова. Это легенды о Пушкине, как либерале, антиреволюционном поэте, о Гоголе — реставраторе крепостничества, Тургеневе — коварном отрицателе революции, Островском — идеологе купечества, Некрасове — класомея дворянине. Борьба против этих легенд можно только на основе передовой литературной науки через книги (которые не написаны).

Сейчас многие критики уже оплошуют великую идею народности искусства, объявляя всех поэтов и писателей от Державина до Толстого в одинаковой мере народными. Многие из занимающихся наукой о литературе забывают о правдивости, об истине. В угоду своей теории они говорят об оных произведениях и забывают о других.

Нам не нужна фальшь и ложь, а нужна правда.

Товарищ Сталин, говоря о передовой науке, сказал: «За пролетариата науки, той науки, которая не отторгается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ».

Сейчас многие критики уже оплошуют великую идею народности искусства, объявляя всех поэтов и писателей от Державина до Толстого в одинаковой мере народными. Многие из занимающихся наукой о литературе забывают о правдивости, об истине. В угоду своей теории они говорят об оных произведениях и забывают о других.

Нам не нужна фальшь и ложь, а нужна правда.

Товарищ Сталин, говоря о передовой науке, сказал: «За пролетариата науки, той науки, которая не отторгается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ».

Сейчас многие критики уже оплошуют великую идею народности искусства, объявляя всех поэтов и писателей от Державина до Толстого в одинаковой мере народными. Многие из занимающихся наукой о литературе забывают о правдивости, об истине. В угоду своей теории они говорят об оных произведениях и забывают о других.

Нам не нужна фальшь и ложь, а нужна правда.

Товарищ Сталин, говоря о передовой науке, сказал: «За пролетариата науки, той науки, которая не отторгается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ».

Сейчас многие критики уже оплошуют великую идею народности искусства, объявляя всех поэтов и писателей от Державина до Толстого в одинаковой мере народными. Многие из занимающихся наукой о литературе забывают о правдивости, об истине. В угоду своей теории они говорят об оных произведениях и забывают о других.

не по принуждению, а добровольно, с охотой».

У многих наших литературоведов мы этой охоты не видим. Мы знаем ученых, которых уважает учительство за то, что они действительно создают книги, передают свои знания массам. Мы знаем таких работников, как Кириллин В., Бродский, Шиллер, Рыбинкова, хотя и эти люди могли бы сделать больше. Но значительная часть ученых литературоведов работает плохо. Поэтому и имена их стране мало известны.

И мы, преподаватели-словесники, вынуждены признать, что среди деятелей науки о литературе нет имен, которые бы мы могли произносить с гордостью и поставить рядом с именами Лысенко, Губкина, Бердяева.

Слабо разрабатывается литературоведом ленинское наследие. До сих пор на основе реальных ленинских статей о Толстом не написана монография о жизни и творчестве Толстого. Факт достаточно показательный.

Среди научных работников, преподавателей и профессоров вузов есть много литературоведов, не имеющих ни одной серьезной научной работы.

Художественная литература издается у нас невиданными тиражами. Многомиллионные народные массы стали читателями Толстого, Шекспира, Пушкина. А что сделали литературоведы для разяснения народу сущности творчества великих художников слова русской и мировой литературы? Где книги? Этих книг нет.

Связь литературоведов с учительством и школой есть один из важнейших моментов связи науки с народом. Эта связь поможет и самой науке, приблизит ее деятелей к жизни.

Несколько мыслей об учебнике, который должен быть создан передовой наукой в союзе со школой. Учебник должен представлять собой систематический исторический курс. В учебнике не должно быть общих мест, безакадемических, декларативных, неразъясненных пицат. Учебник должен показать не только историческое, но и вечное значение великих художников слова для прогрессивного человечества. Учебник должен развить идею единства и преемственности культуры передового человечества от древнейших времен до наших дней.

Старые учебники судили содержание искусства, изучали лишь политические взгляды автора и его героев. Новый учебник должен дать широкий анализ всех проблем, затрагиваемых художником: политический, философский, этических. Герои литературных произведений должны быть раскрыты как художественное отражение важнейших этапов развития человечества (Прометей, Гамлет, Фауст, Татьяна Дарина, Левин, Навел Власов и др.), а не как набор деталей, метафор.

Составители учебника, авторы будущих фундаментальных научных трудов, которые, мы в этом уверены, будут созданы советским литературоведением, должны являть представлять людей, для которых планомерность, богатство материала, основательность выводов, точное понимание искусства и любовь к нему, глубокая революционная убежденность, — вот что должно отличать эти работы.

Мои конкретные предложения:

- 1) Создать журнал «История литературы».
- 2) Организовать при Академии наук или Институте мировой литературы им. Горького научное общество, куда бы могли войти педагоги-словесники.
- 3) Литературоведом выступить с лекциями для преподавателей школы.
- 4) Предложить ученым литературоведом и критикам поделиться на страницах «Литературной газеты» соображениями и планами своих будущих работ.
- 5) Осветить на страницах «Литературной газеты» состояние работы по созданию многогранной истории русской литературы.
- 6) Издать статьи Горького о классиках массовым тиражом.

РЕЧЬ тов. В. ЛИТВИНОВА

(Преподаватель литературы 57-й школы)

Мне хочется сказать несколько слов по поводу программы.

Судя по проекту, и в новой программе будут такие пробелы, которые не могут не вызвать в нас тревогу. Повидимому, и в дальнейшем мы останемся без изучения заданной литературы: будет в программе Мольер, Байрон, Шекспир, но не будет ни Гете, ни Ромэн Роллана.

Не будет в новой программе и Руставели, хотя в дни юбилея Руставели много говорили о необходимости изучения его в школе.

Не менее важен вопрос о пособиях для учителя. Раньше, в 1932—1933 годах, в массовых изданиях классиков давались вступительные статьи, которых в нынешних изданиях нет. Учащийся берет книгу издателя 1933 года, где статья написана по всем правилам вульгарного социологизма, и ею пользуется, так как в издании 1936 г. он никакой вступительной статьи или послесловия не находит. О книгах, которые сделались поныне единственными пособиями учителя, следовало бы поместить статьи в «Литературной газете».

О плане учебника «История литературы народов СССР»

В статье А. Н. Толстого (см. «Лит. газета» № 34 от 20 июля) изложены основные установки работы авторской бригады ленинградского общества, работающей над составлением учебника для средней школы «История литературы народов СССР».

В настоящее время мы работаем над первой частью учебника (для 8-го класса), которая посвящена истории литературы народов СССР до Пушкина и его современников включительно.

Обсуждения плана учебника совместно с педагогами дали авторам исключительно ценные методические указания и внесли много поправок в первоначальный вариант плана. Все дальнейшую нашу работу мы представляем себе также в тесном контакте с педагогами и надеемся осязательно поставить на широкое обсуждение готовые главы учебника, над которыми мы сейчас работаем.

Одна из трудностей в построении плана учебника — большое количество материала, значительная часть которого вводится в школьный учебник нами впервые. Мы стеснены не программами (они так или иначе должны быть переработаны), а ограниченными временем школьника. Поэтому материал должен быть отобран очень тщательно и строго.

Как же будет построен наш учебник? Учебник будет открываться вступительной главой, в которой мы расскажем о возникновении языка, письменности и литературы. Здесь будут приведены основные рукописные высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина о языке, искусстве и литературе. В этой же главе будет дана краткая характеристика эпохи мировой истории и культуры (древняя история, средние века, новое время). Наконец

неп, мы остановимся особо на развитии социалистических по содержанию и национальных по форме культур народов Советского Союза и скажем о значении русской литературы и творчества народов СССР в истории мировой литературы.

Далее идет глава об устном народном творчестве (русском и других народов СССР), повествующая о различных жанрах фольклора (былины, исторические песни, легенды, сказки и притчи, частушки, загадки и пословицы). Здесь — впервые в школьном учебнике — мы предлагаем дать сжатый исторический очерк фольклора советских народов от древнейших времен до наших дней, включая современное народное творчество (песни о гражданской войне, о Ленине и Сталине, о подвигах советских героев, легенды и плачи о Ленине и Кирове, колхозные частушки, творчество народных поэтов Советского Союза — Сулеймана Стальского и Джабула и т. д.).

Особое внимание будет обращено на былин — героический эпос русского народа, поэтическое отражение чаний национально-патристическую борьбу средневековой Руси.

XVIII век в истории русской литературы — это своего рода продолжение дела Петра I в области художественного слова: сначала учебническое, а потом творческое усвоение достижений западноевропейской литературы, развившаяся в эпоху Возрождения, и, наконец, вполне самостоятельное произведение русской поэзии, прозы и драматургии, выполняющие определенные и очень важные общественные функции. Под таким углом зрения будет построена глава о XVIII веке. В ней должны быть представлены все крупнейшие писатели этого столетия, которые подготовили появление декабристов и Пушкина.

Богатый талантливыми писателями XVIII век изучается в школе до сих пор крайне неполно. Достаточно сказать, что в школьных программах нет ни великого

Ломоносова, ни русского классицизма в поэзии и драматургии, ни писателей сатирического направления. В нашем учебнике все эти пробелы будут восполнены, и само собою разумеется, что нашему первому героическому ученому и поэту Ломоносову, Сумарокову и первым деятелям русского театра (Волкову и Дмитриевскому), Державину, Фонвизину, Радчилову и другим будет отведено место, соответствующее их значению в истории русской литературы и культуры.

Мы хотим подчеркнуть роль идей французских просветителей в формировании литературно-общественных течений XVIII века, выделить демократическое, антикрепостническое и революционное течения (Чулков, Новиков, Радчилов), имея в виду, что в XVIII веке лежат истоки русской народной, демократической и в основе своей уже реалистической литературы.

Глава о Пушкине — центр и вершина всякой книги — откроется разделом о ближайших предшественниках Пушкина. Здесь будут представлены: декабристская литература в лице Грибоедова, Рылеева и А. Бестужева, Гнедича (как переводчица «Илиады»); Жуковский и Батюшков. (Раздел о Крылове и Карамзине войдет в заключительную часть главы о XVIII веке).

Основная идея главы о Пушкине — родоначальнике новой русской литературы и создателе русского литературного языка — представляется нам в том, что в гении Пушкина слились книжный и народный «потоки» поэтического слова. Богатейшее наследие мировой литературы было в творчестве Пушкина оплодотворено гением великого русского народа, народным творчеством в самом широком смысле, русской народной речью, сказками, песнями, преданиями и величайшими эпическими произведениями, как «Слово о полку Игореве». Мы будем стремиться наглядно показать учащемуся, в чем заключается народность пушкинского творчества, почему оно стало бессмертным достоянием народов Советского Союза и всего прогрессивного человечества. Те же задачи стоят перед нами в отношении другого величайшего памятника литературы советских народов —

«Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. Мы попытаемся раскрыть все значение наследия Пушкина и Руставели для нашей современности, для социалистической культуры.

Мы полагаем, что в школьном учебнике следует сосредоточить внимание учащихся на крупнейших произведениях брагских литератур, на произведениях, вошедших (или входящих) во всеобщий культурный обиход, имеющих наибольшее художественно-политическое и воспитательное значение и являющихся наиболее характерными для национальной культуры того или иного народа.

Так, в истории грузинской литературы в первой части учебника наибольшее внимание (не считая Руставели) будет уделено народному сказанию об Амиране (Прометее) и тем произведениям поэтов-романтиков XIX века, в которых наиболее ярко проявились любовь к родине и идея борьбы за ее национальное освобождение. Или, например, в истории казахской литературы (в первой части учебника) центральное место займет эпос казахского народа, в особенности те его произведения, которые освоены казахским театром и уже вошли в культурный обиход брагских республик. Ограничимся только этими примерами, которые поясняют нашу установку.

Всюду, где только возможно, мы постараемся показать связь и взаимодействие литературы брагских народов между собой. В статье А. Н. Толстого было сказано также о необходимости показа связи литературы народов СССР с развитием мировой литературы. Мы полагаем, что в учебнике должны найти себе место краткие, но достаточно содержательные главы, посвященные наиболее выдающимся явлениям мировой литературы, — тем явлениям, которые были творчески восприняты русской литературой и литературами других советских народов. Так, например, должны быть даны главы об античном и французском классицизме, о Байроне, Шекспире и т. д.

Одной из основных наших задач является провести через весь учебник идею культурно-исторической преемственности в развитии литературы советских народов от древних времен до наших дней. Поэтому при всей строгости отбора материала мы считаем себя обязанными дать нашему школьнику более или менее связанное и цельное представление о литературно-историческом процессе в целом, опираясь, конечно, на конкретный материал наиболее ценных и ярких произведений.

История литературы будет нам являться в связи с основными фактами гражданской истории, истории культуры и искусства. Это не значит, конечно, что мы собираемся дублировать учебник истории. Но, например, говоря о Руставели, мы попытаемся показать творца «Витязя в тигровой шкуре» на фоне культурно-политического расцвета Грузии времен царя Тамара, так же, как в главе о Пушкине мы дадим общую историческую характеристику эпохи и творчества крупнейшего мастера искусства — Кипренского, Тропинина, К. Брюллова.

Нашей задачей является показать значение литературы народов СССР, являющейся нашим мощным оружием в борьбе за социалистическую культуру, за торжество коммунизма во всем мире. Мы хотим, чтобы наш учебник помогал учащимся воспитать в советских школьниках чувство любви к нашей великой родине, чувство советского патриотизма, объединяющее все народы Союза. Учебник подойдет к разрешению этой ответственной задачи в связи с эстетическим воспитанием учащихся, с развитием их художественного вкуса, способностям понимать и ценить то прекрасное и великое, что создала в литературе и искусстве наша необъятная страна в течение многих столетий.

Мы надеемся, что тесное сотрудничество литературоведов, педагогов и писателей, уже возникшее вокруг нашей работы, поможет нам осуществить наш замысел и создать учебник, который внесет свою лепту в строительство социалистической культуры.

Г. ГУКОВСКИЙ, А. ДЫМШИЦ, Д. ЕФИМОВ, П. КОРЬХАЛОВ, В. МАКУЛОВ, И. ОКСЕНОВ.

Театр—Кино—Музыка—Живоепись

Г. ПОЛЯНОВСКИЙ

Четыре таланта

Жена замечательного русского критика и композитора А. Н. Серова в своих воспоминаниях приводит отзыв мужа об игре Фрэнки Листа:

«Виртуоз же он (Лист) гениальнейший, бесподобный! Под его перстами выходят всегда то произведение, которое залужено автором; дух времени, его традиция, — все имеет Лист перед собой необычайной, дивной игрой. Это вполне объективное исполнение; никому не вздумается удивляться его силе или технике; это есть уже отвлечение от идеи композитора, если внешне совершенства затмевают ее; пахнувшие или возраставшие звуки должны возмущать слушателя, а не удивлять его с технической стороны».

Мы с полным основанием можем повторить слова Серова по поводу концерта возвратившихся из Брюсселя участников международного конкурса пианистов им. Жена Исаа.

Молодые артисты (старшему, Серебрякову нет еще 29 лет, младшему — Гильельму — 22 года) предстали перед советской аудиторией впервые после шумных оваций, которыми сопровождался все их выступления за границей. Увещанные мировой славой, скромно, деловито выходят они на эстраду.

Эту чудесную молодость объединяет чувство огромной ответственности перед родиной, музыкальными предками которой они только что были на Западе. Их объединяет и то, что они являются представителями советского стиля исполнения, воспитанниками нашей изумительной музыкальной школы.

Павел Серебряков играет грандиозную, полную силы и страсти сонату Листа симфоническим ансамблем. Две тысячи слушателей, затаив дыхание, внимают чудесной эпопее чувства, воспрянувшей к новой жизни молодой пианисткой.

Звук романтической фантазии Шумахера как нельзя более близки замечательному дарованию Михалковского. Вдумчи-

во, серьезно подходит он к каждому исполняемому произведению. Безмолвный покой «Барбареллы» Шопена, буйство, заволнованность, чувства «Метели» Листа — передаются Михалковским с большой экспрессией, теплотой и неповторимостью.

Великолепный, яркий талант Якова Флера приобрел новые черты: свойственная пианисту импульсивность словно сдерживается сильной волей. Изумительная ластовская «Liebestraum» сыграна Флером с такой проникновенностью, что еще и еще раз вспоминаешь слова Серова. Полнота жизненных ощущений, разнообразие человеческих страстей — все это пластически и поэтически выражено в игре Флера. Острые ритмы «Седельши» Альбениса; легкие, как дыхание ветра, женские звуки «Вальса» Шопена; стройность и логика, богатство чувств «Органной фантазии и фуги» Баха-Листа; быстрая смена настроений, обилие красок, народность музыки 12-й рапсодии Листа — многогранна и богата творческая индивидуальность пианиста, который с одинаковым совершенством справляется со столь разнородными задачами. Флер доставляет истинную радость своей игрой, — бесконечно разнообразной по приемам и единой в своей целеустремленности — сделать понятной и доступной слушателям мысль композитора.

Сокрушительная сила, величественность, колоссальный темперамент и в то же время необычайное умение владеть своими чувствами — таков Эмиль Гильельс. В Гильельсе возмущает не его изумительная техника, не точность и быстрота исполненных пассажей и громкопобных октав, но то мудрое спокойствие мысли, с которым он неуклонно осуществляет свои намерения. Вдохновенно и глубокомысленно мощного таланта и точный расчет сил, богатая манера и истинная грация. Велико обилие Гильельса, понятен восторг, вызываемый его пламенной, воодушевленной игрой.

Таков облик исключительных артистов, слушающих игру которых тысячи советских патриотов восклицают с гордостью: вот еще одно неопровержимое доказательство первенства советской культуры во всем мире.

Их хор гремит нечто такое, из чего явствует, что и он, хор, интересуется уровнем воды.

Затем героиня Лебедева прятается в колодезь, где ее и находит баритон Кулаков, гидрогеолог. В дальнейших картинах Лебедева интересуется уже не уровнем воды, а красотой гидрогеолога. Она любит его, он любит ее, но они из-за чего-то поссорились, а из-за чего — неизвестно.

Так это и осталось неизвестным до конца спектакля. Один из артистов, мой сосед, даже отправился в дирекцию выяснить это обстоятельство. Дирекция объяснила: «Какой же вам еще смысл нужен? Это же опера...»

И сосалась на авторитет постановщика А. Феона, который, мол, 25 лет ставит оперы и никогда не шибет в них смысла... Полное несоответствие якобы героических событий и опереточного действия проглядывает даже в мелочах. В конце одной из картин все работники совхоза вместе с хором и балетом отправляются в тяжелый поход в горы. Идет туда и Регина Лазарева.

Начало следующей картины застает их на одной из скалистых вершин. Трое суток изнурительного путешествия. Пустыня. Однако это не помешало Регине Лазаревой переменить туалет и блистать на краю пропасти в изящной кофточке красного бархата. Товарищи, это же горный поход, а не сад Эрмитажа!

Преодоление вершин должно идти по приспособленческим путем Янковского и Феона, «Сорочинская ярмарка», сочная музыкальная комедия, показанная театром оперетты в прошлом году, и «Свадьба в Малиновке», в которой умело в пределах жанра использована советская тематика, — вот что должен делать Московский театр оперетты...

Картиные совхозы и гидрогеологи в фижмах никому не нужны.

НЕ ТЕМ ПУТЕМ...

«ЗОЛОТАЯ ДОЛИНА»

В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ ОПЕРЕТТЫ

Композитор творит музыку. Либреттист пишет к ней текст. Бывает и так — драматург написал текст, а композитор перекалывал его на музыку. Например: Янковский написал оперетту «Золотая долина», а Дунаевский положил ее...

Постойте, постойте! Как бы это точнее выразиться? Янковский написал оперетту «Золотая долина», а музыка Дунаевского положила текст Янковского на обе лопатки. Может быть, это и не очень научно, но правильно!

Ленинградский литератор М. Янковский — автор пухлого тома «История оперетты». Тот же Янковский — либреттист «Золотой долины». Увы, делая историю (даже оперетты) гораздо трудней, чем ее писать.

Представьте, если бы на заседание местного совета учреждения явился некий субъект в надуренном парике, фижмах и флюидоветном камзоле. Как бы этот бедняга себя чувствовал? Но возмните и другую ситуацию — молодого комсомольца московского Метростроя в салоне маркизы Помпадур.

Последнее и сделал Янковский. Он надел на себя багровый опереточный салон темными советскими людьми. Получился эталон ботаники в фижмах и гидрогеологи в надуренных париках. А если к этому прибавить, что только некоторые актеры (Зарубеев, играющий директора совхоза, и Карпов в роли инвалида Анисима Вобрикова) создают настоящие образы, а остальные дуют в привычную опереточную дудку, то и получается липовый совхоз из палье-маше, в котором действуют субретки, протаски и комки-буфф...

Вот порхает по сцене ботаник Регина Лазарева и бойким речитативом субретки поет:

— Ты прове-ря-ла уро-вень во-ды-ны? На что Лебедева отвечает глубоким грустным голосом опереточной героини: — Я про-о-о-ве-ря-ла-а у-у-рове-ень во-о-о-ды-ны-ы!

И хор гремит нечто такое, из чего явствует, что и он, хор, интересуется уровнем воды.

Затем героиня Лебедева прятается в колодезь, где ее и находит баритон Кулаков, гидрогеолог. В дальнейших картинах Лебедева интересуется уже не уровнем воды, а красотой гидрогеолога. Она любит его, он любит ее, но они из-за чего-то поссорились, а из-за чего — неизвестно.

Так это и осталось неизвестным до конца спектакля. Один из артистов, мой сосед, даже отправился в дирекцию выяснить это обстоятельство. Дирекция объяснила: «Какой же вам еще смысл нужен? Это же опера...»

И сосалась на авторитет постановщика А. Феона, который, мол, 25 лет ставит оперы и никогда не шибет в них смысла... Полное несоответствие якобы героических событий и опереточного действия проглядывает даже в мелочах. В конце одной из картин все работники совхоза вместе с хором и балетом отправляются в тяжелый поход в горы. Идет туда и Регина Лазарева.

Начало следующей картины застает их на одной из скалистых вершин. Трое суток изнурительного путешествия. Пустыня. Однако это не помешало Регине Лазаревой переменить туалет и блистать на краю пропасти в изящной кофточке красного бархата. Товарищи, это же горный поход, а не сад Эрмитажа!

Преодоление вершин должно идти по приспособленческим путем Янковского и Феона, «Сорочинская ярмарка», сочная музыкальная комедия, показанная театром оперетты в прошлом году, и «Свадьба в Малиновке», в которой умело в пределах жанра использована советская тематика, — вот что должен делать Московский театр оперетты...

Картиные совхозы и гидрогеологи в фижмах никому не нужны.

ФИЛЬМ О ШЕВЧЕНКО

25 февраля 1939 года исполняется 125 лет со дня рождения Тараса Шевченко.

На Украине идет деятельная подготовка к празднованию этой даты. Все организации — союз писателей, университет и Академия наук — работают над тем, чтобы достойно отметить память великого поэта.

Только одна украинская кинематография не замечает приближения юбилейных дней. До сих пор еще в план Украинфильма не включена «шевченковская» художественная картина.

Вышедшие в прежние годы фильмы, посвященные Шевченко («Тарас Шевченко» и «Назар Стодоля») оказались неудачными. Еще весной 1937 г. в Украинфильм поступили предложения написать сценарий о жизни и творчестве Тараса Шевченко. В ответ на эти предложения бывшие руководители фабрики заявили, что шевченковская тема уже имеется в плане украинского студий на 1937/38 гг. Сейчас мы знаем пену этим заверениям!

Союз советских писателей Украины в апреле этого года вновь поставил перед Киевской киностудией вопрос о реализации ее давнишних обещаний — дать миллионному советскому кинозрителю свободный от всяких националистических искривлений образ великого поэта.

Комитету по делам кинематографии необходимо теперь же приступить к постановке фильмов на шевченковские темы. Было бы на наш взгляд вполне целесообразно включить их в число тем недавно объявленного конкурса на сценарий.

НОВЫЙ РЕПЕРТУАР МОСКОВСКИХ ТЕАТРОВ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДЕТСКИЙ ТЕАТР

Центральный Детский театр работает сейчас над постановкой пьесы М. Даниэля «Изобретатель и комедия» на тему об изобретателе книгопечатания Гутенберге. Режиссер спектакля И. М. Рапопорт, художник — В. Ф. Рыдлин, композитор Д. Б. Кабалевский.

Затем театр покажет вторую премьеру — антифашистскую пьесу К. Паустовского «Совездние гонимых». Спектакль ставит режиссер В. Ф. Дудин и Д. М. Казанский. Художник — Борис Орман. Театр включил также в репертуар пьесу Г. Нахуришвили и Б. Гамрекели «Лето Кехквели».

В конце декабря намечена премьера комедии С. Михалкова «Ковчег», посвященная советской школе. Режиссер В. Д. Королев.

Писатель А. Гайдар пишет для театра пьесу на тему о советской школе и о патриотизме юношей советской страны. Писатели Л. Квитко и В. Смирнова работают по заданию театра над пьесой о Ленине.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕАТР КРАСНОЙ АРМИИ

После восьмимесячной работы на Дальнем Востоке Центральный театр Красной Армии приступил к подготовке к новому сезону. С 12 августа по 1 октября театр будет играть в Сочи.

Новый сезон Центральный театр Красной Армии откроет в начале октября в помещении театра им. Моссавета, который вывозится на Дальний Восток.

Центральный театр Красной Армии включил в репертуар пьесу А. М. Горького «Зыковы» и новую пьесу Н. Подгидина «Паль серебряный», посвященную героям давностиюлетиям.

Вс. Вышинский закончил для театра третью редакцию своей пьесы «Первая конная», в которую он ввел новые действующие лица и новые эпизоды.

И. Прут пишет для театра пьесу о боях командиров-артиллеристов.

ШЕРВУД АНДЕРСОН

Слушай, Голливуд!

Человек, который, подобно мне большую часть года живет в маленьком городке, совершает поездки в соседние города, подвизаясь в своем автомобиле встречных деревенских жителей, беседует с ними, беседует с горожанами, старается понять, как воспринимает жизнь эти люди, — такой человек воле-неволею должен все больше и больше размышлять о кино и о фильмах.

Вопрос сводится к тому, какие требования предъявляют окружающие меня люди к кино, какие требования предъявляет к нему весь американский народ.

Писатель постоянно присматривается к людям, думает о них, старается проникнуть в их мысли. Для нас, писателей, рассказчиков, люди — это материал. Мы всегда стремимся растворить себя в других.

В жизни маленького американского городка есть что-то тоскливое и однообразное. Там рождается стремление жить в мире мечты, всегда находящее себе пищу в кинокартинах. Чего хотят окружающие меня люди? Быть может, они только ищут спасения от самих себя?

Как спастись от гнета повседневных забот? Углеком, который проводит пять, шесть дней в неделю в грязной яме под землей и, возвращаясь домой, находит плачущих детей и уставшую, изнуренную тяжелым трудом жену, в субботу вечером уходит с двумя-тремя товарищами искать забвения от своего тяжелого, мучительного существования в вине, Опыляющий углеком вдруг начинает чувствовать себя богатым и сильным. Он хлопает товарищей по спине, хвастается добытым им за неделю количеством угля; возвращаясь домой вместе с другими углекопами, он распекает песни или прочувствованно говорит о жене: «Старуха опять задала мне, когда я вернулся домой, но и ей, вель, тяжело приходится. Поведа-ка ее с детьми в кино!»

Кино — это своего рода опьянение для жены и для детей углекома. Там на экране удивительные люди из иного, необычного мира; они так близки, так оптимистичны, когда вы видите в кинотеатре маленького городка.

Вы сидите здесь, в маленьком кинотеатре, рядом с фермерами, которые пельней лишь жали или пахали. Тут же — мелкий торговец, которому грозит разорение, так как он не в состоянии оплатить предъявленного ему банков счета. Он сидит здесь с женой и с дочерью. Дочь высокая и красивая. Прищучив свою она скопировала с какой-то кинозвезды. Чистильщик городских улиц пришел сюда с женой. Она долго болела, но борится и героически ведет домашнее хозяйство, поддерживает для мужа в чистоте и порядке свой ветхий домик. И десятки, сотни других, хорошо знакомых вам людей собрались в этом маленьком кинотеатре. Книга, которую можно было бы почитать вечером, стоит доллар или два три доллара. В наше маленькое кино можно пойти за двадцать пять центов. Приятно уйти куда-нибудь вечером и быть среди людей.

И все-таки в этом маленьком кинотеатре постоянно пытаешься какую-то немалую тоску. Почему всегда выходишь из кино в подавленном настроении? Жизнь людей, показанных на экране, так далека от нас.

Разве нельзя сделать так, чтобы наша собственная жизнь и мы сами стали более реальными?

Рядом со мной в кино сидит молодой человек лет двадцати двух. У него строгое, серьезное лицо. Он сидит рядом со своим отцом, матерью и младшей сестрой.

Случайно я знаю эту семью. Отец — высокий, худой человек, у него большие руки с узловатыми пальцами. У матери и младшей сестры запястья тонкие.

Вот что случилось в этой маленькой семье: У отца — ферма на окраине города, и еще несколько лет назад он был довольно зажиточным человеком. У него был автомобиль. Он предполагал послать сына,

только-что окончившего городскую школу, в колледж.

Молодой парень всегда был очень работящим, серьезным. Он хорошо учился в школе, окончил курс первым учеником. Он был честолюбив, хотел учиться дальше, мечтал стать инженером-механиком.

Но семья не повезло. Мать, которая сидит вот тут, внезапно заболела. Пришлось сделать ей операцию. Это стоило немалых денег. Затем был плохой урожай, и начался падеж скота. Денег, собранных на учебу сына в колледж, было потрачено, и отцу пришлось наделать долги.

Он надеется выгнаться, но для этого ему необходима помощь сына. Несколько дней назад он рассказал мне об этом, когда я проезжал его в моем автомобиле.

Эта беседа с отцом была у меня неделю назад, когда, уезжая из города, я встретил его на дороге, а затем, вчера вечером, когда я возвращался в город на автомобиле, произошло уже новое событие.

На шоссе стояла небольшая группа. Фермер и жена его держали по рукам молодого человека, который сидит теперь в кино рядом с матерью и сестрой, но тогда этот молодой человек был совершенно пьян.

Он уже сообщил, что он должен отъезжать от своего плана поступить в колледж. Отец попросил его побить дома еще два-три и поработать вместе с ним на ферме.

— Знаешь, у меня теперь нет денег, и я не могу содержать тебя.

— Да, отец.

— Я не смогу ничего высылать тебе.

— Хорошо, отец.

Юноша не возражал отцу. Весь день он работал с ним в поле, а вечером собрался в город.

— Куда ты пойдешь? — спросила мать.

— Так, нигула, — ответил он.

Он так и подумал: «Я нигула не иду».

Ему только 22 года. В 20 года жизнь уже кажется ему неподвижной оконченной. Он сделал то, чего никогда не делал. Он отправился в город и там напился. На улице его, мертвечки пьяного, задержал городской шериф. Шериф знал его отца и позвонил ему по телефону.

И отец с женой и дочерью поспешили в город. Когда я встретил их на дороге, они были сыны дома.

Он был совершенно пьян. Он что-то бормотал. Он пытался выговорить: «Вы ничего не понимаете»...

Увидя их на дороге, я остановил машину. Я предложил довезти семью до дому, но отец отказался.

Молодой человек едва держался на ногах. Он мотал головой, еле выговаривая слова, бормотал, что это случайность, что это ничего не значит, что он готов примириться с гибелью всех своих планов, всех своих надежд. Это была пьяная попытка обречься, а затем, когда мать и отец снова повели его по дороге домой, он плакал.

Весь день отец с сыном работали молча. Наконец, отец прервал напряженное молчание:

— Ну, будет. Пойдемте в кино.

Из кино возвращались неудовлетворенными. Почему такие простые трагедии, комедии, такие события из нашей повседневной жизни не изображаются на экране? Это такая обширная область, тут такие изумительные возможности. Неужели простые, реальные картины из окружающей нас действительности нельзя воспроизвести таким новым, замечательным, широко воздействующим способом?

Разве нас влечет только к метте, к фантазии? Неужели мы стремимся только спастись от самих себя?

США.

В Большом зале Московской консерватории состоялся концерт советских пианистов — участников Международного конкурса им. Жена Исаа. На снимке: победитель международного конкурса пианистов им. Исаа Эмиль Гильельс на концерте в Москве 27 июня 1938 г.

Д. ТАЛЬНИКОВ

ОХОТНИКИ ЗА ТЕМОЙ

1. Есть такая, довольно ходкая в наших театрах пьеса: «Огни маяка». Она отличается от других пьес тем же стандартностью производств только «оригинальностью» местоположения. Это не простая пограничная застава, как в пьесе «Честь», — а маяк, со всеми особенностями морской обстановки. Я присутствовал на первом чтении этой пьесы в одном из периферийных театров. Советские актеры, настоящие сознательные граждане своей страны, одушевленные всеми высокими патристическими чувствами, единодушно и резко возражали против постановки пьесы. Жалко, чужое слово — канцелярская отписка, а не слово, полное отблеском каких-либо намеков на характеристики, не «образ», а одна сплошная схема, одни голые внешние положения, — таковы эти «Огни маяка».

Все содержание пьесы сводится к сюжету, построенному совершенно примитивно даже в смысле сценически-авантюрного развития. Чтобы как-нибудь усложнить эту схему — ведь иначе пьеса грозит окончиться к концу 1-го акта, — автор начинает наивно «сплетать» холмы, запутывая их — «остраняет», как сказал бы Шкловский, зритель пускается по ложным следам, у него возникает подозрение насчет молодой пресмыкающейся девушки — общей любимой в пьесе. События были с толку зритель вскоре, однако, убеждается в том, что вовсе не эта, вполне добросовестная, вопреки подставленным аргументам, девушка — настоящая шпионка, а некий ухаживающий за ней субъект, личность которого не вызвала никаких сомнений.

По тому же рецепту наивно запутывания следов построена и другая «модная» сейчас пьеса — «Честь». И здесь все факты и реплики заставляют заподозрить в предательстве одного колхозника, а за проверку оказывается, что настоящий предатель — другой колхозник, которому зритель обманывался с самого начала симпатизировать и которому все в пьесе доверяли, — расклученный враг. Это благообразно выясняется только к концу пьесы, в 4-м действии, а в промежутке между ней и первым действием в изобилии показываются национальные пляски, танцы и прочий эк-

зотический диверсификат, — героиня обманывалась с героем, на сцене устраивается бой с диверсантами, брат убивает брата, отец убивает собственноручно и влиные сознательные смысл, на сцену приносятся труп героя, как вещественное доказательство смертоубийства, — пьеса, что называется, «насыщена»!

Сейчас эту пьесу показывают в Москве саратовский театр, ее приготовил Камерный и готовит к будущему сезону Малый театр, специально командированный для этнографической верности администраторы и актеры на место действия — за самыми настоящими бурками и за наблюдением быта и нравов. Я видел эту пьесу недавно в Смоленске, — в театре с хорошей группой. На сцене были и подвиги ратные, и слова высокие, и чувства благородные, и объясняющие «положения», и «должности», — все, чему нельзя не аплодировать от души, и пляски, и музыка, и поэтические восторги, и интрига, рассчитанная на то, чтобы влюбить зрителя до конца, не «отпускать» его, и выстрелы, и запах пороха, — и все это вместе была безмерно жалкая «оперная» стриптиза. Актеры играли тоже «по-оперному», сдержанно, славно, сентиментально, с полной пустотой внутри, чисто формально, либо внешне и нелюбо, ибо все это насквозь засахарено, фальшиво, — ни подлинной мысли, ни образа, ни подлинного живого движения. Автор, однако, был утешен тем, что зритель аплодирует и, значит, все обстоит благополучно.

2. Подобные пьесы принадежат к тому роду искусства, который издавна считался в нашей великой реалистической литературе явлением антихудожественным, снижающим вкус зрителя, и с которым надо бороться. Рецепт построения пьес такого типа чрезвычайно примитивен. Система «образов» подменяется, если можно так выразиться, системой схем. Герой наделен всем призрачными ассортиментом высоких, полагающихся герою качеств; злодей — это тот «мелодраматический злодей», которого некогда Чернышевский, борясь за художественную правду, высмеял даже в образе Коршунова Островского. Все сценическое «действие» пьесы сводится к авантюро-

мелодраматическим положениям пинкертонщины, разработанным на материале темы, самой по себе высокого общественно-политического значения, остро-злободневной, рассчитанной на непосредственную реакцию зрителя. «Обнаженные приемы» репортажа, голые факты и «положения» обычно слабируются «платочкой», о которой также не забывают упомянуть Чернышевский, и густо покрываются «лирическим лаком». Вместо художественно-реалистической правды, вызывающей драматические эмоции, такая пьеса несет зрителью условный суррогат, — маргарин истинного чувства...

Лубок вместо художественного портрета; «героические» ходы вместо живых образов наших современников, живущих с нами, делющих просто и скромно свое большое дело; чувства на ходулях, сильные «стр-р-р-р-р» вместо правдивых страстей, вместо правды о жизни нашего действительного героического поколения, — такова «сценическая продукция», приспособленная к вкусу горьковской Настя, метаморфоза О Рауля, а ведь такие герои по существу и есть переделанные, переупакованные Рауля.

Кому нужна вся эта чепуха, отнимающая так много дорогого времени, сил и средств у нашего зрителя, у театра, у актеров, ничего не дающая, кроме тех «сюрпризов», которые мы давно изгадили с экранов наших экранов, вместе с заграничными авантюрами фильмами? Впрочем, она нужна только одному человеку — самому автору, ибо приносит ему весьма солидную ренту!

Недавно в «Вечерней Москве» мы прочитали обстоятельное извещение — даже с поведением под него какой-то историко-литературной «научной» базой — о переделке для сцены... «Трех мушкетеров» Дюма. И, в самом деле, если уж Рауль, то почему не король иди и повелитель — сам Дюма? Почему вместо переупакованных мушкетеров — не подлиннее, настоящие? Ведь вот старейшему и совсем плохенькое сочинение издание собранной сочинения Дюма на русском языке сейчас расценивается у книжников по 900 и 1000 рублей, — и ведь это чуждо действительности более увлекательное и вымысловое, чем пьесы наших отечественных Дюма... И, недолго думая, учитывая потребности и «качку» рынка, один из наших «соклассиков» — Н. Волков решил

стать соавтором Дюма. Дело было «на мази», как выражаются компаньоны той же горьковской Настя, да вот что-то помешало как-нибудь...

А ведь советская драматургия знает произведения таких писателей, как Ал. Толстой, К. Тренев, В. Катаев, Во. Иванов, Л. Леонов, В. Шкваркин, А. Файко и другие.

Нас волнуют проблемы войны и обороны, отечества, чести, доблести. Но пусть в драматургии это будет настоящее, подлинное и талантливое. Пусть это несколько не будет похоже на стриптиз «литературных» рванты.

3. Распространившаяся ныне драматургия легкой, «фанерной» установка никого не привлекает существо приспособленчества в драматургии и с которой должна вестись не менее решительная борьба, чем со спекуляцией на текстuality и издевательской промышленности над тем, что мы объективно имеем дело с «примысливаниями» и с особым «примыслом», очень легким притом, не требующим ни особого таланта, ни знаний, ни опыта. Разве может не хлестать зритель, когда приносит знакомые всем нам дореволюционные и высокие доушки, слова «чести и любви»? Но почему хлещет зритель? Не автору зреть? Не пьесе? Конечно, облобление зритель само по себе фактор большого положительного значения, который преумножает никак не приходится: ведь для него-то автор и пишет, к нему идет со своими образами и душами... Но и этот, вполне правильный по существу, учет оценки зрителя, нельзя, однако, возводить в беспрекословный фактор. В театре, например, мы знаем, что успех автора очень часто сводится за счет исполнения актера, театра в целом. Зритель не всегда сразу разбирается в том, что ему вместо образов новых людей наложено время, воплощенные живые люди переднего времени, воплощенные давно забытые и пресловутые засахаренные фрукты, прожванную реинку, обоссанные давно ледеными и пресловутые «платочки» — платочку без конца, без края. Отсюда успех целого ряда пьес такого спекулятивного характера, свидетельствующих о ловкости их авторов.

Многие из того, что мы видим на наших сценах, — это реплики «Большого дня» и всей той спекуляции на теме, которая выражает существо приспособленчества в драматургии и с которой должна вестись не менее решительная борьба, чем со спекуляцией на текстuality и издевательской промышленности над тем, что мы объективно имеем дело с «примысливаниями» и с особым «примыслом», очень легким притом, не требующим ни особого таланта, ни знаний, ни опыта. Разве может не хлестать зритель, когда приносит знакомые всем нам дореволюционные и высокие доушки, слова «чести и любви»? Но почему хлещет зритель? Не автору зреть? Не пьесе? Конечно, облобление зритель само по себе фактор большого положительного значения, который преумножает никак не приходится: ведь для него-то автор и пишет, к нему идет со своими образами и душами... Но и этот, вполне правильный по существу, учет оценки зрителя, нельзя, однако, возводить в беспрекословный фактор. В театре, например, мы знаем, что успех автора очень часто сводится за счет исполнения актера, театра в целом. Зритель не всегда сразу разбирается в том, что ему вместо образов новых людей наложено время, воплощенные живые люди переднего времени, воплощенные давно забытые и пресловутые засахаренные фрукты, прожванную реинку, обоссанные давно ледеными и пресловутые «платочки» — платочку без конца, без края. Отсюда успех целого ряда пьес такого спекулятивного характера, свидетельствующих о ловкости их авторов.

И вот театр обращается к драматургам, он собирает их, — мы видели это недавно в Малом театре на одном таком собрании, — ухаживает за ними, и драматурги в ответ держат хорошие речи о необходимости писать пьесы сильные страсти и острой тематикой, а потом приносят в театр невыносимую халтуру, в которой политическое содержание сводится к банальному штампу, рассчитанному на внешнюю ходкость, пьесы «легко обтекаемые», по удачному слову одного из драматургов, т. е. скользкие по линии наименьшего идейного и художественного сопротивления, пьесы серых мыслей и серых чувств.

Многие из того, что мы видим на наших сценах, — это реплики «Большого дня» и всей той спекуляции на теме, которая выражает существо приспособленчества в драматургии и с которой должна вестись не менее решительная борьба, чем со спекуляцией на текстuality и издевательской промышленности над тем, что мы объективно имеем дело с «примысливаниями» и с особым «примыслом», очень легким притом, не требующим ни особого таланта, ни знаний, ни опыта. Разве может не хлестать зритель, когда приносит знакомые всем нам дореволюционные и высокие доушки, слова «чести и любви»? Но почему хлещет зритель? Не автору зреть? Не пьесе? Конечно, облобление зритель само по себе фактор большого положительного значения, который преумножает никак не приходится: ведь для него-то автор и пишет, к нему идет со своими образами и душами... Но и этот, вполне правильный по существу, учет оценки зрителя, нельзя, однако, возводить в беспрекословный фактор. В театре, например, мы знаем, что успех автора очень часто сводится за счет исполнения актера, театра в целом. Зритель не всегда сразу разбирается в том, что ему вместо образов новых людей наложено время, воплощенные живые люди переднего времени, воплощенные давно забытые и пресловутые засахаренные фрукты, прожванную реинку, обоссанные давно ледеными и пресловутые «платочки» — платочку без конца, без края. Отсюда успех целого ряда пьес такого спекулятивного характера, свидетельствующих о ловкости

Памяти Н. Огнева

Умер Михаил Григорьевич Огнев. Сколько тысяч читателей, со школьной скамьи знакомых с «Дневником Кости Раблева», с огромной грустью прочтут это известие.

Огнев — педагог и писатель, всю свою жизнь отдал воспитанию молодежи. Отрывая многие часы от личного творческого труда, он посвящал их работе с растущей литературной молодежью.

Мало можно найти писателей, кто так любил работать с молодежью, как Огнев. Это было его призвание. Этим он горел. Эту его черту особенно ценил А. М. Горький.

Огнев руководил творческими семинарами в Литературном институте, вел беседы в журнале «Октябрь», организовывал творческие бригады, работал с молодыми писателями индивидуально.

В квартире Огнева всегда толпились молодежь. С какой жадностью читал он сотни рукописей, выискивая зерна таланта. С какой любовью говорил он о найденных дарованиях.

А отрыв даровитого человека — уже не покидал его. Он работал с ним любовно, внимательно, кропотливо, глава за главой, слово за словом.

Такие писатели, как Аркадий Первенцев, автор «Бочубея», могли бы не мало рассказать, как помогал им Михаил Григорьевич Огнев мечтала написать роман о литературном воспитании. Он следил за сво-

ими питомцами, он не только правил их рукописи, он долгими часами беседовал с ними о жизни, о философии, о литературе. Восторженно образованный человек, поглащавший огромное количество книг, Михаил Григорьевич стремился передать свои знания молодежи. В редакции журнала «Октябрь» он всегда был полпредом и защитником «молодых».

Он никогда не либерализировал, относился к рукописям весьма критически, но если в произведении было видно дарование, он неумолимо работал с молодым писателем и открывал ему двери в литературу.

«Больше новых дарований», «больше места «молодым» на страницах журнала» — это было постоянное требование Огнева, это была его принципиальная линия в журнале.

Молодые писатели знали об этом и поэтому так ценили М. Г. Огнева, так любили его.

Он нас ушел замечательный человек, чуткий и хороший товарищ, вдумчивый и талантливый писатель.

Ф. ПАНЕРОВ, А. СУРКОВ, А. ИСБАХ, В. ИЛЬЕНОВ, А. ПЕРВЕНЦЕВ, А. НОЗДРИН, А. МАКАРЕНКО, И. НОВИЧ, И. СЕЛЬВИНСКИЙ, М. ГОЛОДНИЧ, А. ЧАКОВСКИЙ, А. ЯШИН, Л. СКОРИНО

На снимке: поэт-орденоносец Василий Иванович Лебедев-Кумач и его жена во время голосования в 45-м участке Советского избирательного округа г. Москвы

В МИРЕ КНИГ

ДЕСЯТИТОМНИК «ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Академия наук СССР, как мы уже сообщали, приступила к изданию десятитомной «Истории русской литературы». Десяти том, составление которого поручено Институту мировой литературы им. Горького, посвящен истории советской литературы.

Отличительная особенность «Истории» в том, что в круг изучения войдут не только памятные письменности, но и устное творчество народных певцов и фольклор.

Только теперь, когда в национальных республиках растут и воспитываются советские критики и литературоведы, можно приступит к созданию такого огромного по своему научному, политическому и культурному значению коллективного труда, как «История советской литературы».

Эта задача будет осуществлена писателями и критиками нашей многомиллионной родины. Поэтому работа над десяти томом должно стать началом интенсивнейшей критической и литературоведческой работы во всех братских республиках.

«История советской литературы» начнется большим теоретическим введением, в котором читателя ознакомит с задачами и ролью советской литературы, ее отличиям от других литератур.

Точной схемы десятого тома еще нет. Для составления ее секция советской литературы Института литературы им. Горького образовала комиссию, в которую вошли: И. К. Лупин, В. Я. Кириотин, М. И. Серебрянский, В. Гоффеншефер, М. М. Розенталь, К. Зелинский и Е. Тагер. Схему будет обсуждена на конференции критиков, литературоведов, писателей и педагогов, которую предполагается созвать Институт литературы им. Горького. Рассмотрены варианты Е. Тагера. Институт литературы организует цикл докладов, посвященных обсуждению основных глав «Истории».

К работе над созданием «Истории советской литературы», которая должна быть закончена к концу 1939 года, будет привлечено свыше пятидесяти авторов. В качестве предварительных материалов для «Истории» будут использованы очерки об отдельных литературах, которые должны быть написаны в процессе работы над десяти томом.

Освещение предварительных материалов, подготовленных для десятого тома, обсуждение их на страницах газет и журналов, организация дискуссий по отдельным вопросам — все это привлечет внимание общественности и поможет успешному и скорейшему завершению трудной и почетной работы — создания «Истории советской литературы».

Е. ПЕЛЬСОН

«НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ»

Пользующиеся мировой известностью «Народные сказки» А. Н. Афанасьева были изданы впервые во второй половине XIX века (1855—1864 г.). До сих пор это издание считается лучшим и наиболее полным собранием русского сказочного эпоса.

В Гослитиздате вышел второй том, в который включено 368 русских сказок и 11 сказочных текстов.

Книга хорошо издана и художественно оформлена гравюрами на дереве работы художников В. Соколова и В. Маторина. Приходится лишь удивляться, почему столь нужная и хорошая книга около трех лет находилась в производстве. Рукопись сказок была слана в набор еще 30 декабря 1935 года, подписана к печати 29 июля 1937 года, а вышла в свет только сейчас.

КНИГА О В. К. КОККИНАКИ

Вчера вечером Государственное издательство политической литературы выпустило из печати биографический очерк «Владимир Константинович Коккинаки», написанный Б. Горбатовым. Тираж брошюры 150.000 экземпляров.

ДВЕ АНТОЛОГИИ

Гослитиздат выпустил тиражом 5.300 экземпляров «Антологию новой английской поэзии». В антологию вошли 220 поэтических произведений середины XIX века. В антологию представлены 53 поэта: Р. Браунинг, М. Арнолд, Д. Меридит, Данте Габриэль Россети, Кристина Россети, У. Моррис, Д. Томсон и другие. Поэтическое тексту предпослана вступительная статья М. Гутера. Цена книги 7 р. 50 коп.

Одновременно выпущена и антология «Поэты французского Возрождения» под редакцией В. Блюменфельда. В антологию представлены 10 поэтов: Ф. Виллон, К. Маро, Мелан де Сен-Жель, Пьер де Ронсар, Иоанн Дю Белла, Рем де Белло, Антуан де Ваиф, Ф. Депорт, М. Ренья и Агриппа д'Обинье.

Приложением к книге дана статья Иоанна Дю Белла «Защита и прославление французского языка». Выпущена антология тиражом в 10.300 экземпляров. Цена 4 рубля.

Письма в редакцию

Литературная бесцеремонность

Онакомившись со статьей И. Вострышева («Горький и фольклор» в № 3 «Литературной учебы» за 1938 г., я вынужден protestовать против допущенного автором использования чужого труда без указания источника. Статья И. Вострышева является, в основном, пересказом моего книжки «Горький и фольклор» (Гослитиздат, 1935, 80 стр.) без ссылок на нее.

Эпизод со сказками няньки Евгения (у Вострышева — на стр. 56) в моей книжке изложен гораздо обширнее (на стр. 23—26). Глухое упоминание у Вострышева (стр. 56) эпизода о Горьком — сказателе и певце является коротким пересказом того, о чем у меня передано подробно (стр. 10—11). То, что белло говорит И. Вострышев об Орине Федосовой (стр. 57), является сокращенным изложением моего текста (стр. 42—48). Эпизод с лирической песней, приведенный Вострышевым на странице 60, взят из моей книжки, со страницы 20-й. Разысканная мною в забытом газетном фельетоне бакирская легенда (у меня на стр. 55—58) кратко излагается Вострышевым (стр. 64). Эпизод с парадным духовным стихом поэта Серафима (у меня на стр. 62—63) Вострышевым взят у меня со страницы 15-й.

На странице 26—27 у меня выбраны последние из повести «Мать». Вострышев не дает себе труда выбрать последние из другого произведения, — он просто отбрасывает (стр. 64) из моей книжки несколько готовых примеров.

Описание хоровой песни в казанской пе-

карне (Вострышев, стр. 61) приведено у меня на странице 36—37. При этом Вострышев бесцеремонно берет у меня готовую обобщающую формулу: у Вострышева — «ярко изображена социально-психологическое окружение, в котором исполнялась, а иногда и рождалась народная песня», а у меня — «в этом ярком описании воссоздается социально-психологическое окружение, в каком исполнялась (а иногда и зарождалась) народная песня».

Другой пример. У Вострышева (стр. 57) «В повести «Трое» Горький зарисовал сапожника Перфишуку, весельчака-гитариста, «неистощимого творца разудалых и смешных частушек», в «Исповеди» — такого же деревенского импровизатора-насмешника Савелку Мигуну, в повести «Артем и Капица» — удлинного педа-музыканта по прозвищу «Драный жених», в рассказе «Заубрица» — тоже импровизатор-стихотворца». А у меня (стр. 41): «В повести «Трое» охарактеризован весельчак-гитарист сапожник Перфишка, «неистощимый творец разудалых и смешных частушек»... Такой же деревенский импровизатор-насмешник Савелка Мигун («Исповедь»)». Такую Заубрица в рассказе под его же именем, — тоже импровизатор-стихотворец».

Я не против того, чтобы чужая большая работа популяризировалась в корнетной журнальной статье. Но при этом необходимо указывать источник заимствования, а цитаты надо брать в кавычки.

Н. ПИКСАНОВ

Павел Харибда хихикает

В шестом номере «Красной нови», в отделе «Свисток» я наткнулся на заметку под названием «Мы еще не то помним». Сочинитель сей заметки, благодарно скрывший свое остроумие под псевдонимом Павел Харибда, цитирует начало моего рецензии о повести В. Катаева «Я, сын трудового народа».

«Повесть Катаева «Я, сын трудового народа» начинается почти так же, как сказка Андерсена «Оливю». Помните? — «Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ганей за спиной, сабля на боку; он шел долом с войном. По дороге встретилась ему старая ведьма, она была такая потная...» и т. д. Повесть же Катаева начинается так...» (В. Гоффеншефер «Литературное обозрение», № 2, стр. 9).

Оборвав на том цитату Павел Харибда хихикает: «Вот задал загадку! Катаев все это имеет отношение к повести Катаева? Поросль в памяти. Вот есть роман под названием «А жизнь идет», есть стихок: «Шел по улице мальчуган...»

Я более высокого мнения об умственных способностях читателя. Предполагаю, что он не только узнал непосредственное совпадение начал двух произведений, но только правильно понял мои слова о том, что повесть Катаева читается так же легко и увлекательно, как сказка Андерсена и что «в этой легкости и сильные и слабые стороны повести», но и — без особого «разъяснения» — понял, почему критик «друг» сопоставил сказку Андерсена и

повесть Катаева — два произведения о том, как солдат нашел свое счастье.

Если же для умственных способностей Павла Харибды все это оказалось слишком сложным, он мог бы обратиться за помощью и разъяснением к кому-либо из своих коллег. Он узнал бы, например, что: «Новаторство Катаева проявилось в том, что он взял старинное, традиционное сказочное счастье, как основу для своей повести, и поставил тему многовековой народной сказки в новую, реальную историческую связь».

Это было написано совсем недавно в «Литературной газете» (от 26/VI — 1938 г.). Но недолгий Павел Харибда мог бы узнать об этом значительно раньше, если догадался бы обратиться к редактирующей «Красную новь» т. Ермилову. Ибо только что приведенные слова принадлежат именно ему, даже курсив о сказочном счастье на сей раз его собственныи.

Но Харибда не догадался спросить у Ермилова, а Ермилов, редактору написанное Харибдой, «не догадался» проследить своего «сатирика». Бывает такие печальные случаи.

Но самое печальное заключается в том, что оба они не догадались, что плоды недомыслия необязательно печатать в журнале и что недопустимо профанировать слабое название добродобровского «Свисток», подменяя боевую революционную сатиру хихикаемь.

В. ГОФФЕНШЕФЕР

Редакционные «недосмотры»

До меня только что дошла книга «Поэты французского Возрождения». Антология. Редакция и вступительная статья Блюменфельда В. М. Государственное издательство «Художественная литература», Ленинград, 1938.

В этом сборнике помещен, наряду с прочими, ряд моих переводов. Ни корректура, ни авторский экземпляр я не получал. В тексте книги имен переводчиков не означено. Они даны в оглавлении. Там, среди стихотворений Клемава Маро, значится: О самом себе, Перевод Ю. Н. Верховского, стр. 61.

Я действительно перевел эту пьесу. Но легко себе представить, что я сейчас по-

чувствовал, когда в тексте книги на стр. 61 прочел:

Уж я не тот любовник страстный — и т. д.

То-есть известный перевод Пушкина.

Позвольте через посредство вашей газеты обратить внимание советской общественности на невежество редактора, допускающего такие «недосмотры». Об «опечатках» не говорю.

Ю. ВЕРХОВСКИЙ

От редакции. В дополнение к письму т. Верховского можем сообщить, что в этой же книге перевод стихотворения Виллона, сделанный Н. Гумилевым, приписан Осипу Мандельштаму.

Сессии Академии наук СССР, посвященные Испании

ЛЕНИНГРАД, 29 июля. (По телеграфу от наш. корр.). Вчера под председательством академика А. С. Орлова открылась сессия Института литературы Академии наук СССР, посвященная литературе испанского народа.

Испанская сессия, организованная нашим институтом, — сказала во вступительном докладе проф. В. М. Жирмунский, — не рядовое научное собрание. Мы собрались сегодня, чтобы выразить нашу глубокую симпатию, уважение и благодарность героическому испанскому народу за все то великое наследие непреходящих культурных ценностей, которые он создал. Особое внимание Испании от гнет фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества. Мы уверены в конечной победе испанского народа над фашистскими захватчиками!

Мы должны организовать перевод на русский язык важнейших памятников литературного творчества испанского народа, дать широким массам советских читателей полностью научную историю испанской литературы.

В первый день сессии с большим докладом об испанском героическом эпосе выступил проф. А. А. Смирнов.

Сейчас, — говорит он, — когда все прогрессивное человечество с напряженным вниманием следит за героической борьбой, которую испанский народ вел с варварской фашистской интервенцией, вспоминается странная далекого прошлого Испания, когда народ ее так же героически боролся за свободу и независимость.

Испанский героический эпос раннего средневековья — одно из самых замечательных созданий поэтического гения испанского народа. К сожалению, он известен лишь узкому кругу специалистов.

— Есть какая-то внутренняя связь, — говорит проф. Смирнов, — между старыми эпическими народными песнями и песнями бойцов республиканской Испании.

Вчера же на сессии выступили с докладами: проф. Б. А. Краевский («Повесть де Вега и испанская национальная драма») и К. Н. Державин («Дон Кихот» Сервантеса). Ученый секретарь института О. В. Цеховичер посетил свое слово революционным писателем Испании.

В порядке второго дня сессии три доклада: проф. Е. В. Тарле — «Испания в борьбе с Наполеоном», акад. И. Ю. Краевский — «Поэзия арабов в Испании» и проф. М. П. Алексеева — «Из истории испано-русских отношений».

Ю. ИС.

1—3 июля состоится пленум отделения общественных наук Академии наук СССР, посвященный вопросам истории, литера-

туры, искусства в Испании и современной борьбе испанского народа за независимость своей страны.

На первом заседании сессии, открывающемся 1 июля в 7 часов вечера, будут заслушаны доклады проф. В. В. Тарле «Борьба за независимость испанского народа в эпоху наполеоновских войн» и проф. И. П. Трайнина «Национальный вопрос в Испании».

На втором заседании 2 июля проф. М. В. Нечкина выступит с докладом «Демократия и испанская революция 1820—23 гг.», А. В. Волков сделает доклад «Крестьянство Испании в борьбе за свободу и независимость» и З. М. Рабинович — доклад «Рабочий класс Испании в борьбе с фашизмом».

На вечернем заседании 2 июля выступит акад. И. Ю. Краевский с докладом «Поэзия арабов в Испании». Ф. В. Кельин — о докладе «Испанская интеллигенция в борьбе за свободу и независимость» и М. П. Алексеева — о докладе «Испано-русские литературные отношения в пушкинскую эпоху».

На повестку дневного и вечернего заседаний 3 июля поставлены доклады: П. П. Соллертинского — «Испанский романтизм и национально-революционное движение», К. Н. Державина — «Дон-Кихот» Сервантеса», М. В. Апанатова — «Сервантес и Веласкес», А. М. Розенберг — «Мятеж феодальной знати в Кастилии и польтика окружения Флоренция в XV веке», А. А. Смирнова — «Испанский героический эпос» и Б. А. Краевского — «Повесть де Вега и национальные испанские драмы».

ЭКСПЕДИЦИЯ ПО СБОРУ ФОЛЬКЛОРА

Карельский научно-исследовательский институт культуры направляет в этом году в районы Карелии шесть экспедиций. Задача их — выявить новых сказителей и собрать фольклорный материал для книги «Творчество народов советской Карелии».

Одна из экспедиций будет выславать музыкальный фольклор, другая соберет изобразительный материал, все остальные будут записывать дореволюционные и послеволюционные сказки и песни и т. д.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

ПО СТРАНЕ СОВЕТОВ

Полтава

Полтава. Невольно вспоминаются стихи Пушкина: «Сядь прекраснее, под сумрак ваш священный».

Воздух с приятной головой.

Когда-то тихий, зеленый город, так давно известный по книгам русских и украинских писателей, он теперь неузнаваем.

До революции в этом городе было всего 2.256 рабочих, но помещиков 609, офицеров 158, купцов 1.220, полицейских чинов 100 и служителей религиозного культа — 600. На все Полтаву было 14 школ и один кадетский корпус.

Ныне Полтава — областной центр. В одной промышленности занято 20 тысяч рабочих. В городе имеется ряд крупных предприятий: завод «Металл», вырабатывающий в год более 3 тысяч чучельно-вязальных машин, кожевенный завод, Мискобинат и фабрики: чулочная, беконая.

Школьников в городе 18 тысяч, студентов — 9 тысяч. Лечебных заведений — 42, магазинов — 400 с полугодовым оборотом в 56 млн. рублей.

В полтавском музее, где выставлены приказы Петра I, — всегда много народу. Вот исторический приказ Петра, в котором он обращается к своим войскам перед полтавским сражением:

«Войны! Пришел час, который должен решить судьбу отечества... Не должна вас смущать слава непобедимости неприятеля, которой доль вы доказали не раз своими победами.

... А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россия».

Много в музее реликвий полтавского сражения. Боевые знамена Петра. Оружие и форма войск того времени, военные трофеи, вятые русскими у победивших шведов. Старинные оригиналы грамот, приказов, писем и донесений, хранящиеся в отделе полтавского музея, немало талут материала историку, литератору, студенту. В его

фондах широко отображены крестьянские востания на Полтавщине.

Вооруженную защиту Полтавы от бело-гвардейских орд хорошо помнят участники этой героической борьбы — полтавские жители, вступавшие в партизанские отряды и в регулярные части Красной Армии. «До коммунизма — до загни!» выразено на одном обрзе, хранящемся в музее. Там же сохранился отпечатанный листок стихотворного плаката-лозунга:

Железу,
Сталю,
Углю,
Соли,
Банда Деникина грозит.
На бой,
за правду и за волю!
Твой штык Деникина срает.

В городе много историко-литературных памятников Старых и новых. Театр им. Н. В. Гоголя, школа, где он учился. Дом В. Г. Короленко, превращенный в музей. Здесь Короленко писал свои статьи, в которых он, нападая на самодержавие, выступил в защиту крестьянских востаний в Полтавской и Харьковской губерниях.

Полтава всегда привлекала к себе советских писателей.

В окрестностях Полтавы подолгу жил Матвей Зайка. С большой теплотой колхозники вспоминают о своей дружбе с венгерским писателем. Сюда же неоднократно приезжали для работы П. Тычина, В. Сосора, П. Успенко, Л. Первомайский, А. Новиков-Прибой, В. Бахметев.

В уазах, колхозах, на предприятиях и в воинских частях Полтавщины растут поэты и прозаики. Это новое поколение в литературе. Но близкие соседи — харьковские и киевские писатели — не оказывают никакой помощи творческому активу Полтавы, предоставившему самому себе.

Товарищи К. Житник, Лебедев, Яровев, В. Овчиненко, Ф. Лях, Велаяев, Я. Шутько пишут на русском и украинском языках. Молодые поэты обращаются к классическому наследию Пушкина и Горького. Их вдохновляют великие образы Ленина, Сталина.

В стихах К. Житника есть хорошие строки.

А в Росії царской, здється,
І з огнем у думках молодих

Нам любимый Пушкин усмехнется,
Сам володар звуков золотых...

Полтавские газеты должны обелнить все, что есть лучшего, талантливого в области. Между тем до самого последнего времени в печати, опубликоване в газете «Большевик Полтавщины», читали высшие представители творческому росту талантливого молодежи. Газета «Комсомолец Полтавщины» малоинтересно, обелнив вокруг своей газеты творчески вышедших кружковцев. При газете следует организовать литературные декадаки и добиться регулярного выпуска литературы.

ВЛ. АВРУЩЕНКО

Писатели гор. Иванова

Давно и успешно работающий ивановский писатель отправил в один из толстых московских журналов свои рукописи. Рукопись поправила, ее переслал автору для сокращения. Через несколько дней, в готовом для печати виде, произведение ивановского литератора было в Москве. В препроводительном письме автор просил сообщить, в какой книге появится его вещь. Редакция не ответила. Прошло три месяца. Неожиданно писатель получил письмо:

«Ваша рукопись не подходить. Читайте газеты, художественные произведения».

И неразборчивый подписи литконсультанта.

К сожалению, подобного рода ответы весьма обычны. Бездушные чиновники от литературы высокомерно относятся к писателям, живущим на периферии. Провинция, и Иваново в том числе, все еще для них глухой край, а писатели, живущие там, — серые люди, которых следует поучать. До сих пор важное и ответственное дело — литературная консультация — очень часто находится в руках профанов и неудачников, которые «служат» в литконсультациях и своими ответами вызывают законное возмущение у пишущих.

Один из ивановских писателей, талантливый поэт и прозаик Дмитрий Семеновский, с волнением вспоминает другого консуль-

танта. В годы войны никому неведомый юноша послал свои стихи Максиму Горькому. Алексей Максимович с исключительной сердечностью и чуткостью отнесся к труду молодого автора. Между писателями установилась систематическая переписка.

Думается, что мы, московские литераторы, обязаны всемерно содействовать творческому росту наших товарищей, живущих на периферии. От общих слов и деклараций пора перейти к конкретному делу! Молодежь может и хочет учиться, и московские писатели должны им помочь. В частности, драматург Князев хотел бы посоветоваться с тов. Треневым, начинающие поэты Дудин и Киселев — с Сельвинским.

Работа ивановских писателей проходит в довольно трудных условиях. Гонорар необычайно низок (до 350 р. за печатный лист, до 1 р. 75 к. за стихотворную строку), издательские возможности ограничены. Почти все писатели Ивановской области служат в редакциях местных газет. Это и хорошо и плохо. Хорошо — ибо придает в трудовой дисциплине, дает возможность развешать и следовательно, знакомиться с жизнью области. Плохо — ибо забирает весь досуг, не позволяет по-настоящему работать над своими произведениями.

Государственное издательство Ивановской области должно повысить гонорар до размеров, получаемых воронежскими писателями, — 600—700 рублей за лист. Это даст возможность более способным и определившимся авторам хотя бы на время уйти из газет и заняться творческой работой.

Альманах Ивановского отделения ССП выходит один-два раза в год. Большинство своих произведений ивановцы печатают в трех местных газетах. К сожалению, этим газетным материалом до последнего времени отделение ССП не интересовалось. Продукция Ивановского отделения Госиздата невелика — 12—15 книжек в год; книги зачастую редактируются небрежно. Правильного союза советских писателей следует подумать об окончательном редактировании рукописей, намеченных к выпуску областными отделениями. Не лучше ли вместо того, чтобы, как это обычно практикуется, разокатать людей за совершенные ошибки — предотвращать их?

ДМ. СТОНОВ